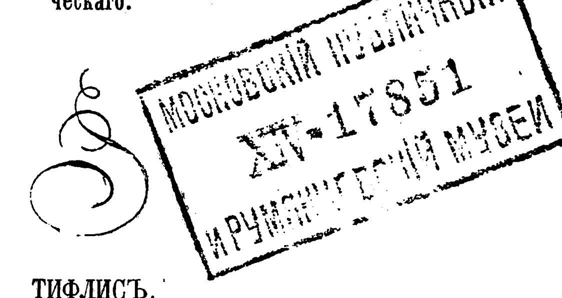
ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПО ДАГЕСТАНУ

ВЪ 1861 ГОДУ.

П. Іосселіани,

Дѣйствительнаго Члена Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Члена Корреспондента С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго.

ТИФЛИСЪ.

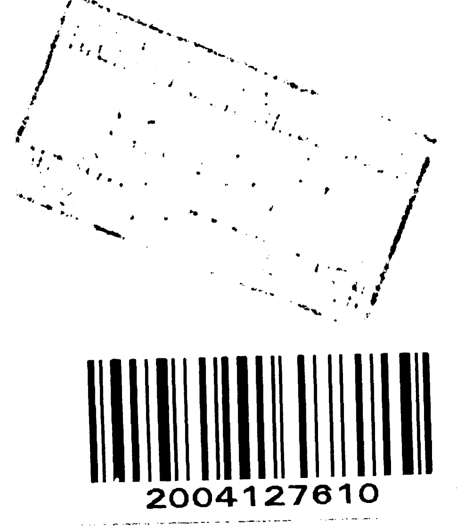
Въ типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Тифлисъ. 15-го декабря, 1861 года.

Ценсоръ *Коваленскій*.

Его Сіятельству,

Начальнику Дагестанской области, Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту, Князю Левану Ивановичу Меликову.

усерднѣйшее приношеніе сочинителя.

Sive per syrtes iter äestuosas,
Sive facturus per inhospitalem
Caucasum....

Horatius.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПО ДАГЕСТАНУ

ВЪ 1861 ГОДУ.

10-го іюля.

Человѣкъ, по паденіи своемъ, осужденъ на странствованіе. Онъ именуется у священныхъ писателей и у философовъ пришлецемъ, странникомъ на землѣ.

Авель, сынъ Адама, первый мученикъ древней церкви; суетный по значенію имени, является въ суетномъ, пошатнувшемся подъ ногами его, мірѣ, избравшимъ себѣ занятіе скотоводства, подвижное, кочующее, странствующее.

Судьба Церкви или избраннаго Богомъ народа, представляется странствующею отъ земли рабства, перваго жилища сыновъ отца вѣры, до входа ихъ въ обѣтованную землю.

Въ томъ же видѣ странствующимъ является человѣкъ отъ времени полученія наслѣдія земнаго подъ сѣнію законовъ при Моисеѣ и отъ отрадной эпохи освобожденія его отъ узъ закона, отъ опеки закона и вступленія въ свободу благодати христіанской, до переселенія его въ царство за гробомъ.

Философы въ изысканіяхъ о мірѣ и человѣкѣ всегда твердили, что физическое и нравственное положеніе человѣка, не есть его нормальное и что, стремленіе стать на

точкѣ, съ которой онъ пошатнулся есть долгъ его непремѣнный, постоянный, обязательный. Съ этой стороны онъ является странникомъ по лабиринту міра духовному и физическому для отысканія пути къ первоначальному его стоянію и пребыванію въ своемъ родовомъ достояніи.

Сами храмы древняго, истиннаго и неистиннаго вѣрованія въ эмблему странствующаго человѣческаго значенія, получили издревле видъ и фигуру корабля, волнующагося надъ зыбкой пучиной водъ и подъ безконечной пучиной вѣчно движущихся воздуха и эфира,—атмосферной жидкости, въ которой плаваютъ миріады солнечныхъ системъ.

Ковчегъ Ноя, первый извѣстный исторіи корабль, былъ церковью сохраненнаго отъ потопнаго разрушенія человѣка. Онъ есть знаменіе обновленной церкви со всѣми свойствами странствующаго ея значенія.

Отъ этихъ прямыхъ началъ происходитъ особенная наклонность, обращаемая часто въ страсть къ путешествіямъ. Дальній горизонтъ, невидѣнныя мѣста, какъ идеальные сады Алкіона, потрясаютъ сердца и двигаютъ ихъ, магическою, неотразимой силой, къ отечеству Платоновъ, сѣдалищу сильныхъ, царству Крезовъ, таинственной Ѳиваидѣ, гордому Вавилону, Пальмирѣ,—царицѣ городовъ Востока.

Не движеніе ли вообще составляетъ основу жизни? Не изъ переходовъ ли стихій, однѣхъ въ другія образуется жизнь и проявляются роды и виды существъ? Не странствуютъ ли птицы и животныя? Не странствуютъ ли камни и сѣмена отъ растительнаго царства? Законъ одинъ и общій для двигающихся міровъ и ихъ обитателей, отъ органическаго до неорганическаго творенія.

Правда, что преступленіе, осудившее человѣка на упадокъ его душевныхъ, а за тѣмъ и физическихъ силъ, отняло у него всѣ права господства надъ внѣшней природой, на подземныя и надземныя ея сокровища, отсѣкло у него физическія и умственныя крылья для общенія съ мірами пространствъ небесныхъ и духовными ихъ обитателями; за всѣмъ тѣмъ по высотѣ его духа, не лишенъ возможности нисходить въ нѣдра земли и восходить къ небесамъ, мѣриться въ силахъ съ механическими и нравственными силами существъ наполняющихъ твореніе и въ общій гимнъ славы уму ихъ создавшему внесть пѣснь благоговѣнія сердечнаго для смиреннаго возвышенія къ Богоподобію. Въ этомъ заключается его, какъ мірового странника, высокое призваніе.

И ему ли, владыкѣ міра, царю планеты, помазаннику природы, не знать богатствъ и предѣловъ своего царства? Ему даны ключи отъ сокровищъ міра не для одного только храненія.

Какъ ни болѣзненъ сынъ Адама, сокрушенный грѣхами, какъ ни шатко его болѣзненное стояніе на тронѣ горъ высокихъ, колеблемомъ воздухомъ и водами, почувствовавшемъ тяжелое паденіе своего владыки отъ гнѣва раздраженныхъ небесъ, но ему осталось утѣшеніе странствовавшаго по пустынѣ Израиля, путями розысканій, изученія міра и въ немъ самаго себя, какъ центра крайнихъ точекъ огромнаго мірового круга, достучаться дверей потеряннаго отечества и войти въ свое святилище; однимъ словомъ стать на той точкѣ, съ которой онъ брошенъ.

Мнѣ предложили мысль о совершеніи путешествія въ

Дагестанъ. Я покорился влеченію сердца, ищущаго по натурѣ своей въ странствованіи пищи для ума и сладкихъ часовъ душевнаго отдыха. Я рѣшился на этотъ подвигъ путешествія, награждающаго вообще человѣка свободою движеній идеальныхъ, оживляющихъ, освѣжающихъ, расширяющихъ существованіе, обновляющихъ, услаждающихъ и прокладывающихъ путь къ поэзіи. Пріятно, съ посохомъ странника въ рукахъ, хожденіе по Дагестану, неразгаданной части Кавказа, гдѣ недавно еще боролся Геркулесъ съ Антеемъ исполиномъ, и гдѣ, усмиренное и побѣжденное чудовище заставлено слышать въ смиренномъ молчаніи сладкіе глаголы гражданственности, достойной человѣка,—музыку небесную на землѣ.

Дагестанъ,—это часть великой книги природы. На первозданпыхъ горахъ его, какъ на листахъ книги, читается исторія допотопнаго міра о скелетѣ земнаго шара и исторія попотопнаго образованія. Весь этотъ горный край есть огромная развалина отъ великихъ потрясеній, которымъ подвергалась наша планета. Его горы, ущелья, долины, рѣки, лѣса и подземелья, есть іероглифы древняго письма исторіи природы, свободно читаемой нынѣ при совершенствѣ наукъ геологами и геогнозами. Чтеніе этой священной книги разоблачаетъ и древніе миѳы, поселившіе боговъ на высотахъ Олимпа и низводившіе ихъ въ царство мраковъ подземнаго міра и упоительныя сказанія объ Аркадіи, странѣ свободы счастливой и сладкихъ вдохновеній уединенія философовъ.

Горцы есть бѣглецы отъ семейнаго общества человѣческаго. Они заперлись въ горахъ, какъ всемірной крѣпо-

сти, удаливъ отъ себя всякое покушеніе человѣка подойти къ ея крѣпкимъ стѣнамъ. Въ этой ихъ горной странѣ, какъ великой книгѣ древняго оракула, изучили они по естественнымъ внушеніямъ нужды — наставницы народовъ, все возможно необходимое для существованія, самосохраненія и удовольствія.

Историкъ ищетъ начала народовъ. Его найдутъ развѣ за предѣлами міра, пишетъ ученый Гейне, extra anni solisque vias. Но на высотахъ Дагестана, точно видѣнъ слѣдъ полета голубицы Ноя. По всему пространству его, какъ обширной гробницѣ, историкъ прочитаетъ судьбу первобытнаго человѣка, ходъ древнѣйшаго народа, извѣстнаго и Страбону подъ нынѣшнимъ названіемъ Леки (leghe) (ლეკი), оторваннаго отъ семейства рода человѣческаго и заброшеннаго туда, или преобладаніями исполиновъ библейскихъ, или народною скорбію отъ эпидемій, пожиравшихъ родъ человѣческій, или естественнымъ державнымъ правомъ той свободы, которую ищетъ человѣкъ отъ роковаго момента своего грустнаго паденія съ высоты своего существованія и не находитъ ее.

Въ видахъ изученія Дагестана, наука указываетъ путешественнику, для объясненія физическихъ явленій, слѣдить за надоблачными высотами его горъ, гдѣ куются громы, отъ куда сверкаютъ молніи и несутся градъ и дождь; видѣть тотъ перстъ, который движетъ стихіи въ ихъ небесномъ и земномъ сочетаніи; осязательно взглянуть на горахъ и въ горныхъ разлогахъ на образованіе рѣкъ, наполняющихъ моря и океаны, однимъ словомъ снять часть той завѣсы, которою прикрыта Изида, мать природы. Эти и по-

добныя явленія природы Дагестанской были причиной, что первобытный человѣкъ Кавказа явилъ въ себѣ духъ пытливости,—начальный шагъ генія. Самое понятіе о свободѣ и возможномъ ея ограниченіи по условіямъ общества, произвело у него, тотъ образъ правленія, который введенъ въ этихъ мѣстахъ на изумленіе правителей народныхъ. Это—судъ гласный, народный, публичный Дагестана, тщательно поддерживаемый мудрымъ его правителемъ.

По указанію этого правителя совершено мое путешествіе по Дагестану. Ему, какъ меценату подносится мой трудъ путевыхъ впечатлѣній, вызванный имъ же въ печать и на судъ общій, изъ подъ слабаго моего пера.

11-го іюля.

Отъ Тифлиса—столицы Кавказа, которому Вольней даетъ довременное исторіи существованіе и въ названіи котораго (*теплаго*-თფილი) отъ сѣрныхъ минеральныхъ водъ звучитъ грузинское его происхожденіе, — мы быстро явились въ урочище «Царскіе Колодцы».

Въ устахъ Грузинъ, мѣстность эта на плоской возвышенности горы, именуется *родникомъ*, *ключемъ царицы* (დედოფლისწყარო). Полчища изъ Турана, во дни опустошительнаго своего шествія по Грузіи при Чинхисѣ, дали ему названіе Тукуръ — мыша. Мѣстность, богатая обширными вокругъ пастьбищными пространствами, служила лагеремъ для конницы и скота, кочевавшихъ ордъ грознаго для міра завоевателя.

Персы, послѣ Шахъ-Аббаса, избрали этотъ пунктъ, богатый водами, для резиденціи своихъ правителей подъ названіемъ хановъ. Эти ханы въ продолженіи полутора вѣка, подъ защитою персидскаго гарнизона, наблюдали за дѣйствіями Кахетинскихъ царей, восходившихъ на христіанскій тронъ, съ принятіемъ магометанской вѣры и съ перемѣною имени.

Вѣрная вѣрѣ предковъ Кахетія, грозно смотрѣла на тайную политику персидскаго двора, союзомъ вѣры связать съ собою царство Грузинское. Ханы съ трудомъ проникали въ христіанскую Кахетію, а цари-магометане являясь въ резиденцію хана выражали имъ мнимую преданность народа. Въ это злополучное время явились постройки и укрѣпленія во кругъ, на остаткахъ которыхъ водворились Турки въ 1724 году. Власть Турокъ, тревожимая Дагестанцами и Кахетинцами, сокрушена Надиръ-Шахомъ. Воцаренный въ Кахетіи царь Ираклій II, уже послѣ Надира разрушилъ минареты клика ислама и не раньше, какъ съ 1810 года, на развалинахъ персидскихъ и турецкихъ построекъ явился городокъ военной стоянки Нижегородскаго драгунскаго полка, позднѣе потомъ штабъ-квартиры Тифлисскаго пѣхотнаго полка. ***Царскіе-Колодцы*** строются еще. Это послѣдній пунктъ населенія для Кахетіи. За нимъ начинается обширная Ширакская долина, богатая для хлѣбопашества и роскошная для скотоводства. По долинѣ этой безлѣсной, протекаютъ мертвымъ теченіемъ двѣ рѣки—Алазань и Іора, Алозани и Камбизена греческихъ и римскихъ географовъ. Мѣста ихъ теченія, до соединенія ихъ, извѣстны подъ общимъ именемъ Упадаръ (უფადარი). На нихъ были поселены орды монголовъ, которые разсѣявшись по разнымъ мѣстамъ оставили за собою названіе своимъ поселеніямъ ***Муганлы, Мугало, Магалъ.*** Убійственный климатъ и мечь грузинскій, то покорили ихъ своей власти, взявъ ихъ въ рабы или въ крестьянство, или же загнали ихъ въ горы. Въ послѣдствіи, спустившіеся съ горъ Лезгины, извели укрывшихся тутъ монголовъ и образовали изъ себя два

сильныхъ общества или двѣ республики: Чарское и Бѣлоканское. Подъ крыльями скалъ Кавказа эти распубликанцы, сдѣлались воинственными, грозными для Кахетіи. Въ 1803 году, громъ русскаго оружія присмирилъ только ихъ, а въ 1830 году окончательно покорилъ ихъ общей власти Русскаго владычества.

12-го іюля.

Правый берегъ р. Алазани пустынный, безводный, лѣтомъ жгучій, какъ пески Африки, терпимъ населеніемъ *Муганловъ* и *Алмало*, остатками отъ полчищъ Чингиса, только отъ сентября до мая мѣсяца. Въ лѣтніе мѣсяцы они кочуютъ на горахъ съ своими стадами. За то лѣвый берегъ, до крѣпкихъ стѣнъ Закаталъ, подъ щитомъ Кавказа, является отраднымъ царствомъ для лѣсовъ, садовъ, шелковичника, травы, хлѣбопашества, рисосѣянія. Богатое роскошною растительностію пространство, отъ рѣки до гнѣзда республики, извѣстное подъ именемъ Чари (ჭარი) на протяженіи 18 верстъ, а въ ширину около 7 верстъ, всегда считалось собственностію Закатальскихъ Лезгинъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ Закаталъ, церковь съ куполомъ временъ царя Леона, сиротствуетъ въ продолженіи 300 лѣтъ. Послушные грузинскимъ царямъ Джарцы, не смѣли тревожить бывшее во кругъ церкви христіанское населеніе. Не раньше какъ при царѣ Константинѣ отце-убійцѣ и братоубійцѣ (въ 1604 году), измѣнникѣ вѣрѣ, передавшемъ все христіанство здѣсь и ниже въ Элисо въ подданство и рабство султану Элисуйскому, закрыто Богослуженіе въ стѣнахъ устоявшаго до нынѣ храма. Другія населенія Грузинъ ниже Закаталъ въ числѣ 40 деревень мечемъ и насиліемъ ислама обращены въ магометанство подъ названіемъ Ингилойцевъ или *прозелитовъ, новообращенныхъ*. Отрѣзанные отъ политическаго единенія съ Грузинами Ингилойцы,

не сохранивъ вѣру отцевъ, сохранили языкъ и уваженіе къ христіанству. Святители Кахетинскіе и послѣдній изъ Бодбійскихъ митрополитовъ Іоаннъ, не оставляли ихъ безъ духовнаго утѣшенія; ко дню Пасхи отправляли къ нимъ благословенныя свѣчи, напоминавшія имъ символъ радостнаго дня Христова торжества, воскресившія въ ихъ сердцахъ память святаго лобзанія,—высшаго, христіанскаго до враголюбія человѣколюбія.

Отчужденные отъ вѣры и единенія съ одноплеменными Грузинами Инголойцы не давно добровольно перешли въ лоно матери своей церкви. Экзархъ Грузіи Евсевій внимательный къ своей паствѣ въ 1860 году, въ стѣпахъ ихъ древнихъ и обновленныхъ имъ храмовъ, показалъ имъ торжество Православнаго архіерейскаго служенія.

Закатала есть новый городокъ, созданный Русскими не давно. Надъ нимъ стоитъ крѣпость, защищавшая во дни войны Дагестана, городъ отъ нашествія Лезгинъ. За крѣпостью начинается ущелье, окруженное съ трехъ сторонъ высокими стѣнами горъ, оперенныхъ лѣсомъ. На протяженіи 4 верстъ раскинута деревня *Чари*, горная Венеція, передовая стража Кавказа. Роскошные сады Чарцевъ или Джарцевъ производятъ виноградъ, орѣхи воложскіе или грецкіе (junglans) и садовые, смоквы или фиги, каштаны, яблоки, гранаты, груши, сливы, персики, абрикосы, шелковичникъ во множествѣ. Изъ двухъ ущелій горныхъ разсѣлинъ, великанами упирающихся къ Кавказу, вытекаютъ двѣ рѣчки, какъ чистыя дѣвы Геликона и онѣ напояютъ жителей и орошаютъ ихъ сады.

Въ Закаталѣ видѣлъ я изъ рода тигровъ дикую кошку,

испещренную пятнами двухъ или трехъ мѣсячную. Она ходила по комнатѣ, какъ домашняя кошка. Природная лютость ея выражалась въ быстротѣ и постоянномъ ея брюзгливомъ и злостномъ движеніи. Во всемъ видно въ ней animal tremendae velocitatis, по слову Плинія. Она водится въ окрестностяхъ Закаталъ, въ горныхъ щельяхъ Кавказа. Непонятно отъ чего называютъ ее *барсомъ*, названіе которое вообще усвоено гіенѣ (hyaëna), и которая попадается изрѣдка въ этихъ же мѣстахъ Кавказа. Эта послѣдняя вторгается иногда въ деревни, похищая дѣтей и поднимая съ гробницъ надгробные камни. Шкуру этихъ лютыхъ звѣрей продаютъ скорняки въ Россіи и въ Грузіи и именуютъ *барсовыми*. Это та шкура, которою былъ прикрытъ герой Романа Руставеля, и которая дала названіе классическому и образцовому произведенію Грузинской поэзіи: *Барсова-кожа* (ვეფხვის-ტყაოსანი).

Отъсюда начинаются горы. Горы вообще знаменательны и поучительны. Высоты ихъ подъ пространствомъ небесъ, внушаютъ человѣку благоговѣніе, вырываютъ у него невольное изумленіе. Изумленіе это, есть торжественная исповѣдь своего ничтожества передъ величіемъ природы и гимны его внутреннихъ чувствъ, передъ необыкновенными горными вершинами — проявленіямъ всемогущества творца и зиждителя. Понятно, отъ чего по замѣчанію эстетиковъ необъятность моря и высота горъ больше внушаютъ благоговѣнія, чѣмъ долины и степи однообразныя. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ отражается слава творца. Не даромъ древній мракъ язычества укрывалъ въ нихъ боговъ и богинь, со всѣми символами своей религіи.

13-го іюля.

Вступающаго въ ущелье Мухахское, сначала широкое, потомъ съуживаемое, встрѣчаютъ шумъ и грохотъ Кавказа. Пѣнистая, кипучая вода стремительно несется по камнямъ: это гласъ и дыханіе горъ, дальнее эхо его внутреннихъ обитателей, звуки полной жизни *Кавказа—горы горъ*—съ языка еврейскаго. Эти струи,—отрывки отъ водъ нагорныхъ и подгорныхъ, нити Аріадни горнаго лабиринта; начальныя буквы великой книги громадной природы, одинъ изъ ключей, открывающихъ входъ въ святилище Дагестана.

Рѣкою воспользовалось первое населеніе Лезгинское. Она орошаетъ сады и плантаціи Мухахскаго Эдема. Каждое семейство, какъ въ Кахетіи и Имеретіи, имѣетъ свое жилище въ своемъ собственномъ саду. Каждое изъ нихъ живетъ подъ виноградомъ своимъ и смоковницею своею. Какъ будто Пророкъ въ описаніи счастья земной жизни и благословеній неба, писалъ здѣсь свои ублажающія и восторженныя слова. Фиги и виноградъ растутъ въ обиліи. Виноградныя лозы вьются по высокимъ деревьямъ. Здѣсь, въ отрывкѣ Албаніи, является первоначальное ихъ отечество. Невольно переносимся ко времени отца географіи Страбона, описывавшаго это виноградное царство.

За-алазанская Кахетія или населеніе по лѣвому берегу

лало. Малое мерцаніе догоравшаго свѣта луны бросило насъ къ гостепріимному горцу, муллѣ деревни.

Что заставило тебя, мулла почтенный, поселиться на этомъ дикомъ мѣстѣ, въ дали отъ богатствъ природы, отъ удобствъ жизни? Свобода, отвѣчалъ онъ, и кости праведныхъ, покоющихся вокругъ меня, былъ отвѣтъ скорый горнаго стража ислама.

Деревня Калало была во дни войны гнѣздомъ бѣглецовъ, притономъ разбойниковъ пріютомъ мюридовъ. Отрядъ русскій, доходившій до этого мѣста и переходившій черезъ Самуръ, разрушалъ ее нѣсколько разъ, и полупреданныхъ ея жителей выселялъ или внутрь нашихъ границъ, или угонялъ ихъ дальше, чтобъ лишить воиновъ во имя, вѣры, близкаго къ Кахетіи убѣжища. Такихъ деревень, убѣжищъ мюридизма и такъ называемыхъ качаговъ, т. е. бѣгецовъ, уничтожено до 10. Въ этихъ-то стычкахъ нашего отряда, убитыхъ воиновъ мулла, проповѣдникъ ислама понимаетъ праведниками, почіющими вокругъ его деревни. Такъ сильно религіозное убѣжденіе, не искореняемое ни огнемъ ни мечемъ и укрѣпляющее самыхъ слабыхъ духомъ на дивные подвиги самоотверженія!

14-го іюля.

Изъ 140 дворовъ стараго населенія Калало осталось теперь 40 дворовъ. Ключевая вода изъ скалы снабжаетъ водою деревню, это орлиное гнѣздо надъ окружающими пропастями, въ виду снѣговъ и снѣжныхъ высотъ дальнаго горизонта. Это первая деревня, не знаю почему названнаго, горнаго магала.

Мулла, навѣваемый отвсюду откровеніемъ религіи и отъ природы величественной, таинственно внушающей ему творца и зиждителя и прахомъ избитыхъ здѣсь въ долгую священную войну съ русскими, указалъ намъ не ближайшую дорогу въ дальнемъ путешествіи, но черезъ мостъ, наведенный на Самуръ.

Послѣ долгаго спуска и переправы черезъ Самуръ, пришлось, какъ новому танталу, пробираться по ребрамъ горъ, по тропѣ едва доступной для ногъ лошади. Мы безпрестанно спускались и поднимались съ ранняго утра и черезъ 3 часа пути мы очутились противъ Калало, передъ жилищемъ муллы. Новая казнь, казнь осужденныхъ — толочь воду или казнь миѳическихъ Данаидовъ, осужденныхъ богами — наполнять кувшины, которыя вѣчно пропускали бы воду. Избѣгнувъ съ величайшимъ страхомъ и опасеніемъ Силлу и Харибду, какъ мудрый

Улиссъ, мы достигли наконецъ деревни *Кусуръ*, расположенный надъ обрывомъ горы. Путь шелъ то по ребрамъ горъ по р. Самуръ, то подъ нависшими скалами по берегу рѣки. Правый берегъ ущелья Самурскаго прилегаетъ къ Кахетіи, къ Кахетенскому перевалу. Онъ весь усѣянъ съ верху до низу огромными снѣжными глыбами, по мѣстамъ имѣвшими 8 сажень вышины. Понятно, отъ чего Лезгины, послушные царямъ Кахетинскимъ Александу, Леону и другимъ, такъ успѣшно и скоро доставляли вмѣсто подати льду въ знойные мѣсяцы Кахетинскаго лѣта. Отъ снѣжныхъ глыбовъ или природныхъ ледниковъ Самура, до Греми, древняго Кахетинскаго города и резиденціи ихъ, пѣшій горецъ можетъ совершить путь въ 6-ть часовъ времени.

Въ Кусурѣ старшина угощалъ насъ сыромъ своего производства, масломъ, молокомъ и хабизгиною, или тонкимъ пирогомъ, начиненнымъ сыромъ.

Домъ горца-гостепріимца устроенъ хорошо. Но противенъ въ немъ запахъ отъ бараньихъ курдюковъ, отъ убитыхъ козлятъ, которыя въ большомъ числѣ висятъ въ комнатѣ и просушиваются для зимняго запаса. По стѣнѣ виситъ весь мужской и женскій гардеробъ — отъ предмета необходимаго до предметовъ роскоши. Вокругъ дома ближе къ потолку, на амбразурахъ чинно разставлена мѣдная посуда. Все это грозно оберегается ружьями, пистолетами, патронташами, саблями, кинжалами, какъ золотое руно Колхиды гидрой стоглавой.

Къ вечеру послѣ той же дороги по ребрамъ горъ, послѣ многихъ къ пропасти спусковъ и подъемамъ въ высо-

ту небесъ, успокоились на лѣвомъ берегу Самура, въ уютномъ, тихомъ ущельѣ, гдѣ паслись стада овецъ и по которой протекала свѣтлая малая рѣчка. Этотъ пунктъ на высотѣ 11,200 ф. тотъ самый, гдѣ стоялъ когда-то отрядъ Русскій, и отъ котораго двинулся онъ къ перевалу Гудурдагъ, чтобъ потрясти ужасомъ грома Русскаго оружія, Шамиля, мечемъ Дамоклеса, стоявшаго надъ высотами Закаталъ.

Этотъ походъ, смѣлостію своею въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ суровую пору въ этихъ мѣстахъ, мимо снѣжныхъ глыбъ, по скаламъ, гдѣ не лежала никакая дорога для пѣшихъ и вовсе никакой для орудіи, дѣйствительно принадлежитъ къ числу переходовъ, достойныхъ Суворова. Такъ понималъ его князь Воронцовъ и такимъ онъ въ исторіи войнъ Кавказа.

Поразительны углы этихъ высотъ, между которыми покоются узкія долины. Они находятся въ такой взаимной симметріи, что если бы сила ихъ отдѣлившая соединила ихъ обратно, то бока ихъ совпали бы совершенно.

По высотамъ этихъ горъ живутъ Лезгины. Жилища ихъ напоминаютъ древній первый періодъ состоянія земнаго шара, не осушеннаго еще отъ водъ и болотъ и приводятъ къ заключенію Платона и Аристотеля, утверждавшихъ, что люди и животныя долгое время обитали на горахъ, прежде нежели они распространились по равнинамъ и скатамъ горъ.

15-го іюля.

Прекрасное солнечное утро, не оставлявшее насъ въ продолженіе всей дороги, указало намъ дальнѣйшее шествіе по берегу рѣки Самуръ. Чѣмъ выше къ горамъ, тѣмъ мельче вода въ рѣкѣ, потому что меньше боковыхъ ущелій, которыми перерѣзывается дорога и которыя бросаютъ свои токи туда. За то она шумнѣе отъ высокаго съ хребтовъ горъ паденія. Для избѣжанія ѣзды по ребрамъ горъ, по тропѣ, которую въ непогоду достаточно сильнаго дождя, чтобъ смыть ее и закрыть всякій слѣдъ ея, мы должны были переправиться въ бродъ, шесть разъ черезъ кипучій Самуръ. Не глубока рѣка для переправы: высота воды не свыше аршина; но опасна отъ стремительности своей черезъ камни—кругляки, черезъ пороги горныхъ рѣкъ. Послѣдняя изъ этихъ переправъ была у подошвы гиганта горнаго: это Саридагъ, бывшая съ этой стороны граница мнимаго царства Шамиля, царства свободы Дагестанской.

Высота горы опредѣляется въ 12,030 ф. На этой-то высотѣ видны еще жилища изъ шиферныхъ плитъ,—домики, въ которыхъ горцы и пикеты ихъ сторожили русскихъ. Они выстрѣлами изъ ружей давали знать отъ мѣста и до мѣста наибамъ Шамиля объ опасности и будили къ защи-

тѣ жителей Дагестана. Этотъ вѣрный телеграфъ оберегалъ ихъ отъ неожиданнаго нападенія.

Мы очутились на вершинѣ горы, въ царствѣ воздуха, вмѣщающемъ въ себѣ больше таинъ, чѣмъ суша и море. Необъясненное учеными образованіе вѣтровъ и вообще, такъ называемое въ физикѣ, теченіе воздуха, отъ высотъ горныхъ до образованія тифона и сурфа,—страшнаго буруна на скалистомъ берегу Голландской Суматры, остается загадкою для науки. Въ немъ-то и заключается тайна хлябей небесныхъ, которыя разверзлись по мановенію свыше и потопили обиталище грѣшное и развратившееся допотопнаго человѣка. Торжественно поучительно стояніе на этой высотѣ, между твердью міровыхъ небесъ и твердою гранью міроваго пространства, гдѣ начинается для воображенія древнихъ царство Эола и гранью той скалы, гдѣ оканчивается царство Вулкана, выдвинувшее отъ неизмѣримой глубины нѣдръ земли, отъ растопленныхъ силою огня и охладѣвшихъ и отвердѣвшихъ массъ земли, знамя своего владычества преисподняго.

Умъ человѣка, обтекающій сводъ небесный и возносящійся за высоты солнечныхъ системъ, невольно углубляется и вовнутръ земли, въ центръ материка. Его умственнаго полета не останавливаетъ та глубина толстоты земнаго шара, радіусъ которой по вычисленіямъ науки отъ поверхности земли до центра имѣетъ 21 милліонъ футовъ или 3 милліона саженей или около 4280 верстъ. Онъ нисходитъ на край земли, подкапывается къ антиподу и мощный духъ его беретъ во владѣніе назначенную для него планету. Такъ великъ человѣкъ, малымъ чѣмъ умаленный

отъ ангеловъ, тотъ самодержавный владыка міра, помазанникъ природы, духъ планетный, котораго въ легкую благородную тѣлесную оболочку облекаются небожители, когда посѣщаютъ землю; но котораго стихійное образованіе въ бренныхъ остаткахъ показываетъ: бѣлую известковую землю, нѣсколько желѣза, сѣру и фосфоръ, животное масло, воду и воздухъ.

По горѣ лежали замерзшія глыбы снѣга на большомъ пространствѣ. Мы спѣшили рано утромъ переправиться черезъ эти льдины. Въ часы таянія опасенъ переходъ черезъ гору, покрытую ими. Намъ указали другую дорогу, правѣе отъ главной и благополучно перешагнули оледенѣвшую горную стихію.

Гора эта водораздѣльная служитъ исходищемъ двухъ рѣкъ: Самура на югъ, и Койсу на сѣверо-востокъ

Подъ ледяною горою, на зеленой покатости, явились стада овецъ, мирные, улыбавшіеся пастухи, дѣти Аркадіи счастливой. Мальчики бѣгали вокругъ овецъ, козлятъ; пѣли пѣсни горной жизни и прислушивались къ словамъ и рѣчамъ провожатыхъ нашихъ. Нѣсколько деревень по дорогѣ оживляло это тѣсное ущелье, куда мы вступили по спускѣ съ горы. Отъ таянія снѣговъ вода рѣки была мутна, черна какъ сажа, и черная нефть. Въ одной изъ этихъ деревень указали намъ, какъ на необычайную игру природы, каскадъ. Койсу, по скалистому узкому ложу, бросается въ узкую горную пропасть съ высоты 20 сажень. Картина восхитительная! Если бы вода была чиста, то брызги водопада показались бы алмазными, какъ описываютъ поэты. Но черныя струи ея что-то представляли оглуши-

тельное, ужасное. Онѣ рисовали картину мрачнаго міра царства Вулкана.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ каскада, гдѣ еще слышенъ былъ отгулъ, представилось глазамъ нашимъ другое явленіе: это природная тонель, врата горныя, достойныя ада Данте. Ворота ведутъ не прямо, но зигзагами, извивами, внизъ и внизъ. Разошлась горная утроба миѳическаго міра и мы очутились у деревни, окруженной лиственницами, березою. Это,—оазисъ среди горъ, садъ въ аду, услада въ центрѣ ужасовъ отъ горъ необычайныхъ, отъ водъ извращенныхъ, отъ снѣговъ не въ пору времени, къ которымъ не привыкли сыны степей и полей роскошныхъ. Природа играетъ здѣсь необычайностями своими, какъ дивы въ разсказахъ сказочныхъ, чтобъ произвесть волненіе, потрясеніе, тревогу сердца и фантазіи. Внезапныя эти явленія великаго, грознаго въ физическомъ мірѣ, разительностію своею ставятъ человѣка въ недоумѣніе, считать ли ихъ за призракъ, или за дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ ужасы проходятъ, явленія необычайныя расширяютъ кругъ познаній, остываетъ мысль и неуловимый Протей связывается.

По дорогѣ указали намъ село Магаро, напоминающее намъ Магаро нагорной Кахетіи, лѣтнее пребываніе царей Кахетинскихъ.

Было свѣтло и мы очутились въ деревнѣ *Илибъ*. Жители вышли на встрѣчу съ зурной и русскимъ полковымъ барабаномъ, трофеемъ минувшей войны, посвященнымъ мечети. Передъ балкономъ дома умнаго наиба и временъ Шамиля и нашего правительства, Лезгины расположились

плясать и пѣть. Музыка, какъ языкъ сердца, окрыляла ноги горца и напоминала имъ бранноносную ихъ силу.

Барабанъ напоминаетъ исторію меча Кесаря, того меча, который попалъ въ руки Галловъ, поразившихъ его въ Секваніи. Побѣдители положили мечь его, какъ трофей во храмѣ. Кесарь, по завоеваніи и покореніи Галліи, узналъ его и на предложеніе полководцевъ взять его изъ храма, отвѣчалъ: оставьте его тамъ: онъ уже святыня.

Поразительно было видѣть на жителяхъ Илиба шубы изъ шкуръ бараньихъ, съ длинными воротниками, вполнѣ напоминавшими бобровые воротники богатыхъ цивилизованнаго міра. Нѣкоторыя изъ нихъ были выкроены очень затѣйливо.

Въ Илибѣ считается 100 домовъ. Онъ расположенъ по ущелью, у соединенія двухъ горныхъ рѣчекъ съ Койсу.

Исходище ихъ, — отъ окружающихъ снѣжныхъ вершинъ, которыя такъ благодатно возбуждаютъ въ человѣкѣ чувство безконечнаго въ высоту, какъ море или твердь небесная въ широту и пространство. Въ этихъ-то мѣстахъ горной пустыни и уединенія, среди обиталища простоты нравовъ, развивается это чувство безконечнаго. Таково настроеніе человѣческаго сердца, не даромъ сравнимаемаго съ большимъ зданіемъ: чѣмъ больше оно пусто, тѣмъ больше отражается въ немъ эхо.

16-го іюля.

Съ нетерпѣніемъ желательно видѣть то мѣсто въ географіи Дагестана, о которомъ такъ часто твердили печатно и въ разсказахъ въ продолженіи многолѣтней войны. Путь шелъ къ нему по горамъ, постоянно понижавшимся, по ребрамъ горъ, по рѣкѣ Самуръ, шумно пробиравшейся по прорытому глубокому ложу. Пустынно и грустно было шествіе; однѣ горы замѣнялись другими. Оссы и олимпы закрывали то завѣтное мѣсто, куда мы наконецъ прибыли и которое называется *Ирибъ*.

Ирибъ дѣйствительно есть неприступное мѣсто для враждующихъ противъ него. Его укрѣпленіе, строенное Шамилемъ, значительно по отношенію къ окружающей его мѣстности, всюду представляющей изъ себя укрѣпленіе. Бѣглецы находили тутъ самое крѣпкое убѣжище. Ихъ бросала туда легкокрылая надежда. За то, въ глуши замкнутаго отъ свѣта мѣста, овладѣвали имъ скука и уныніе—болѣзнь душевная, неисцѣлимѣе всякой тѣлесной болѣзни.

Отъ Ириба начинается дорога грознаго Вулкана. Надъ изрытыми отъ подземныхъ ударовъ пропастями, человѣкъ нашелъ свое крѣпкое убѣжище. Его не ужаснула эта дикая природа, надъ которою онъ поставленъ владыкою, и къ которой онъ себя приковалъ.

На высотахъ этихъ голыхъ скалъ растетъ мохъ, жад-

но потравляемый козами. Не имѣетъ ли этотъ мохъ какого свойства общаго съ исландскимъ мохомъ (cetraria islandica), столь цѣлебнымъ и спасительнымъ въ чахоткѣ, грудныхъ болѣзняхъ и такъ много полезнымъ въ Лапландіи и по всей Сѣверной Сибири, гдѣ онѣ растутъ обильно?

По дорогѣ встрѣтили мы огромную поляну, и на концѣ кладбище усопшихъ съ родникомъ живой, холодной воды. Провожатые остановились, сотворили молитву, внушенную мракомъ печальнаго жилища смерти. Поляну назвали Мечетскою, пожертвованною еще при жизни богатымъ ея владѣльцомъ для собственнаго упокоенія и покоища другихъ. Намъ сказали, что Шамиль, какъ глава вѣрованія, обратилъ доходы отъ пастьбы на ней скота на прокормленіе сиротъ воиновъ, падавшихъ въ войнѣ съ Русскими.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поляны открылась зіяющая пропасть и на днѣ этой пропасти шипучій Койсу. Шло шествіе наше по утробѣ волкана самой ужасной изъ всѣхъ, какія мы уже прошли. Мы очутились подъ треснувшими нависшими скалами, у глубокихъ естественныхъ пещеръ, жилищь для пастуховъ и пасомаго ими скота. Высоты этихъ скалъ известковыхъ покрыты накипями отъ насыщенной известковой воды. Испаряясь, они образовали капельники, какъ осадокъ извести. Переброшенный черезъ Койсу мостъ изъ бревенъ, указалъ намъ дорогу и подъемъ также крутой, также высокій и потребовалъ больше времени и труда, чѣмъ спускъ содрогательный, подъ сводами треснувшихъ скалъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моста, ближе къ малой

деревнѣ просасывался ключь, заваленный и заброшенный у исходища камнями. Намъ объяснили вредное для здоровья свойство этой воды. Можетъ быть онъ есть ядовитый ключь, встрѣчающійся во многихъ мѣстахъ горныхъ странъ, насыщенный ртутными или мышьяковыми частицами или испареніями. Подобный ключь существуетъ и въ Карталинскомъ селеніи Атени, гдѣ жители закидали кучами каменьевъ эту страшную лабораторію, въ которой природа сама является отравительницею.

———

17-го и 18-го іюля.

Отрадный и не отрадный путь по горамъ, по бокамъ горъ, по ущельямъ; путь черезъ впадины, трещины и разсѣлины горъ привели насъ къ полянѣ, усѣянной колючими кустарниками. Мы расположились на ней, отдыхая передъ высокой горой, на покатости которой за 5 верстъ показались бѣлыя палатки. Гора эта—Гунибъ. Восторгъ отразился въ душѣ. Послѣ трудовъ пути, послѣ ужасовъ природы, борьбы духа съ землею, изрытою событіями натуры, приближеніе къ завѣтному Гунибу, показалось приближеніемъ къ обѣтованной землѣ странствовавшаго по пустынѣ Израиля.

Мѣста ознаменованныя громкими событіями имѣютъ великій интересъ. Человѣкъ, какъ владыка громаднаго міра, ищетъ громадныхъ дѣлъ, сочувствуетъ всему высокому и величественному. Какъ свидѣтель древнихъ потрясеній въ мірозданіи и въ себѣ самомъ, онъ, какъ раздраженный болѣзнію нервъ, чувствителенъ ко всему. Отъ этого происходитъ эта высокая его способность пробуждаться всѣмъ существомъ при видѣ пирамидъ, ѳермопилъ, акрополиса съ его жилищами наукъ и искуствъ, при воспоминаніи объ именахъ Замъ Сципіона и Аннибала, Каннъ всесвѣтнаго Рима, Арбеловъ, Рубиконовъ и проч.

Значеніе Гуниба на страницахъ исторіи Кавказа, громкаго дѣлами своими, долгой борьбой съ Русскимъ колоссомъ, съ геніемъ Петра, творца Россіи, было предметомъ осмотра и изученія. Мы пріятно вступили на его вершины, покрытыя славою Русскаго оружія. Онъ представился Синаемъ, на которомъ возвѣщенъ завѣтъ мира всему кавказскому человѣчеству. Скрижали этого завѣта несокрушимы для кавказскаго человѣка, свободнаго отъ тираніи своеволія, душившей свѣтъ его ума, какъ Ариманъ сыновъ свѣта.

Исторія Грузіи, сокрушенной Кавказомъ больше, чѣмъ нашествіями Персовъ и Турокъ, съ отрадою видитъ на Гунибѣ свой Араратъ. На высотахъ его остановился несомый волнами потопа крови, ковчегъ ея царства. Бурное образованіе натуры горы отъ подземныхъ силъ огня и надземныхъ силъ воздуха и воды, будетъ эмблемой образованія и преобразованія Дагестанцевъ, въ новую жизнь, не чуждающуюся единенія въ общемъ семействѣ рода человѣческаго, подъ знаменемъ побѣдительной силы разума, пролагающаго пути по всему пространству человѣческаго стоянія къ благодатному общенію въ трудахъ и плодахъ трудовъ. Подошва горы Гуниба съ востока упирается къ ложу, по которому шумно и гнѣвно протекаетъ Койсу. Единственная дорога ведетъ путника въ его святилище. Со всѣхъ прочихъ сторонъ оно является округленнымъ и обвѣнчаннымъ голыми гребнями, отвѣсно возвышающимися по мѣстамъ на 8 саженъ.

Этотъ округленный горный ковчегъ имѣетъ въ окружности до 30 верстъ. Онъ есть цѣлое царство боговъ древ-

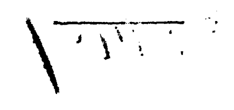
няго міра, не доступное для Титановъ! Высоту его опредѣляютъ въ 6,100 футовъ. Обиліе водъ, лѣсъ изъ бука, березы, лиственницы украшали малую деревню *Гунибы же*, нынѣ опустѣвшую.

Намъ показали и тѣ пункты, откуда, по топоту ногъ Кесаря, изникли легіоны на скалахъ Дагестанскаго капитолія, и ту мечеть, въ которой возносилъ молитвенныя руки къ небесамъ, мощный духъ связаннаго Кавказскаго Прометея; и домъ, гдѣ тревожно ждали рѣшенія участи судьбы своей домочадцы его; и мѣсто, гдѣ были расположены въ стройномъ чинѣ сонмы Кавказскихъ полковъ съ ихъ громами и рвали лавры побѣдъ и славы въ облакахъ, и тѣ обрывы утеса, гдѣ стояла палатка вождя горныхъ силъ въ виду воинства, окружавшаго его послѣднее убѣжище и откуда бросались громы горнаго вулкана; и тѣ взгроможденныя крѣпкія стѣны надъ отвѣснымъ обрывомъ, которыя считались неодолимыми, наконецъ и тотъ камень, отломокъ отъ скалъ Гуниба, на которомъ герой войны Кавказской, какъ Марсъ на своемъ сѣдалищѣ, подъ густою тѣнію бука, березы и лиственницъ — ожидалъ прибытія Шамиля, послѣдней опоры грознаго Дагестана. Какъ механизмъ паровъ подземныхъ выдвинулъ растопленныя массы Гуниба изъ нѣдръ земли, такъ духъ отваги, духъ славы, поднялъ сыновъ славы на высоты Гуниба.

Двуглавый орелъ распустилъ крылья свои на высотахъ Гуниба. 25-го августа 1859 года, есть день окончательный для Дагестана, въ продолженіи вѣковъ коснѣвшаго въ незнаніи міра и вещей. Онъ день новаго для него завѣта въ жизнь и свободу; день перехода отъ первозданной жизни

Кавказа къ порядку новой всемірной гражданственности. Онъ день и часъ разсвѣта, для пробужденія кавказскаго человѣчества отъ дремоты вѣковой, для вступленія въ свѣтъ познаній, въ общеніе съ современнымъ человѣчествомъ и для воспитанія цѣлыхъ поколѣній, въ мысляхъ здравыхъ, свѣтлыхъ, плодовитыхъ; день разрѣшенія на этихъ высотахъ Гордіева узла, мечемъ Кавказскаго Александра.

Поучительны въ этомъ поднебесьи Кавказа атмосферныя явленія грома, молніи и дождя. Полутуманный покровъ, въ половину заслонявшій вечернее солнце, вскорѣ принялъ видъ черныхъ темныхъ тучь; послышался отдаленный глухой гулъ; потомъ раздались раскаты грома. Эхо горъ и ущелій отвѣтило этимъ раскатамъ, которые напомнили какое-то, по понятію древнихъ, сверхъестественное низверженіе провинившагося бога съ высотъ небесъ отцемъ боговъ, черезъ разсѣлины горъ и ущелій въ преисподнюю земли. Тучи стали зенитомъ надъ Гунибомъ и полилъ дождь. Утро показало намъ опустошительное послѣдствіе этого горнаго атмосфернаго гнѣва, измѣнившаго нашъ дальнѣйшій путь къ берегамъ Каспія.

19-го іюля.

Прекрасное солнечное утро открыло дальнюю перспективу окрестностей Гуниба. Турчидагъ, на высотахъ котораго разразился слѣдъ завоевательнаго на Дагестанъ шествія Надиръ-Шаха, прикрываетъ, какъ длиннымъ щитомъ, населеніе котловины Кара-Койсу. Мѣдная пушка побѣжденнаго и разбитаго Дагестанцами грознаго шаха смиренно покоится на высотѣ Гуниба, подлѣ двухъ другихъ и съ надписями: *Брянскъ* и 1812 годъ. Здѣсь же пирадимы ядеръ Русскихъ, остатки отъ снарядовъ Шамиля. Въ этой котловинѣ видны: Чохъ,—мѣсто борьбы героевъ Кавказской Иліады, Руджа или Рухжа—старое село, гдѣ было когда-то, говоритъ преданіе, Русское населеніе. Не отъ остатка ли отряда, безслѣдно погибшаго во дни Годунова и союзника его царя Александра Кахетинскаго? Тутъ, говорятъ, находили пищали и другія оружія Русскія XVII вѣка, Гансутъ (განსუტი), деревня съ остаткомъ древней христіанской церкви.

Дорога одна только существуетъ къ Гунибу и потому, тѣмъ же путемъ спустившись съ высоты горной Гуниба, проѣхали мимо двухъ деревень, роскошно на нѣсколько верстъ растянутыхъ по подошвѣ Гуниба. Жители деревень живутъ въ садахъ, гдѣ растутъ и величественныя орѣшины

(junglans regia), абрикосовыя и персиковыя деревья и лозы винограда. Обширны плантаціи пшеницы и ячменя. Ростъ кукурузы напомнилъ роскошное ея царство въ Гуріи, Имеретіи, Мингреліи, — восточнаго прибрежья Чернаго моря.

Жители двухъ этихъ деревень при Шамилѣ были свободны отъ званія военнаго. Они были обязаны дѣлать порохъ. Свѣжіе слѣды угля при углахъ и подъ углами ихъ домовъ и жилищь напоминаетъ ихъ недавнее ремесло. Селитру легко добываютъ горцы въ долинахъ своихъ горъ, преимущественно тамъ, гдѣ есть перегнившія и изгнившія вещества изъ царствъ растительнаго и животнаго.

Въ 10 верстахъ отъ Гуниба отысканъ недавно каменный уголь. Но это, кажется, не linthanthrax, а лигнитъ бурый. Его откапываютъ въ песчаникѣ горномъ, образовавшемся изъ наносной почвы. Изъ глубины горной доставаемый уголь весь былъ мокръ. Его раскладываютъ по солнцу и сушатъ. Вознаградитъ ли трудъ доставляемое это топливо?

Въ полуверстѣ отъ мѣста нахожденія этого топлива, путникъ вступаетъ въ горную разсѣлину. Это Карадагская щель, ужасная для прохода черезъ эти тѣсныя горныя скалистыя врата, именемъ своимъ напоминающія страхъ мѣста, выражаемый на языкѣ татарскомъ *Черныя горы.* Горы эти—горы мрака и ужаса. Врата эти достойны ада Данта.

Щель эта имѣетъ въ ширину по мѣстамъ около 1 сажени. Двѣ скалистыя горы, разорванныя вулканомъ, возвышаются на высоту 70 сажень! Верхнее отверстіе закрыто

скалами, надвинутыми въ видѣ горныхъ шатровъ надъ внутреннею пустотою. По мѣстамъ огромные отломки скалъ висятъ посерединѣ разступившейся горы и ждутъ толчка времени для паденія. Длина этого горнаго тартара до 150 сажень. По немъ протекаетъ малая рѣчка, тихая, горная фея, которая во дни и часы атмосфернаго водянаго шума превращается въ фурію, съ гнѣвомъ разрушенія и ужасовъ пожирающую и дно и бока Карадагскаго ада.

На высотѣ 6 сажень этой скалы дикія пчелы устроили себѣ гнѣздо. Отвѣсная скала не затруднила искуснаго горца найти доступъ къ улью. Искусно вколоченныя колья въ выбитой скалѣ служили ему лѣстницею къ меду. Солдаты, работающіе надъ каменнымъ углемъ, по слѣдамъ лѣстницы горца, отняли это право на медъ и въ проѣздъ нашъ разбиралась эта жалоба горца. И для горца и для солдата сладость меду и ужасъ смерти стоятъ рядомъ — предъ вратами входа въ Карадагскую щель. Это пѣніе кавказской сирены. Къ этой скалѣ можетъ быть прибита доска, съ элегическою надписью словъ пророка: *Вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю*.

За Карадагомъ являются двѣ дороги: одна черезъ Аварское Койсу въ Хунзахъ, главный пунктъ Аварскаго ханства, другая къ Ходжалъ-Махи черезъ Кара-Койсу. Обѣ эти дороги разработываются, образцово трасированныя до Темиръ-Ханъ-Шуры.

Дороги эти,—убійцы Дагестана. Гордые горами горцы сдѣлались доступными для наказанія, въ случаѣ ихъ возстанія. По этимъ дорогамъ широкимъ, по природному шоссе, свободно ѣздятъ въ каретахъ.

По нимъ откроется всякое свободное сообщеніе съ внутреннимъ Дагестаномъ. Армяне уже открыли по мѣстамъ горъ мѣста для торжищъ: путь торговли есть путь просвѣщенія, говоритъ Геренъ. Наступило время возрожденія Дагестана, путями, такъ мудро, такъ быстро пролагаемыми по всѣмъ его направленіямъ.

И такъ по шоссе, измѣнившемъ и измѣняющемъ физіономію Дагестана, мы пріѣхали къ Салтынскому мосту, гдѣ встрѣтилъ насъ герой прошедшей войны, наибъ Шамиля Омаръ-Дибиръ. Какъ Дагестанскій Цинцинатъ—проводилъ насъ по шоссе веденному по горамъ и разсказывалъ съ скромностію героя, мудро, тихо, не поспѣшно приключенія временъ прошедшихъ. О падшемъ своемъ значеніи—ни слова: новая черта мудраго, посмѣвающагося суетѣ міра, терпѣливо доконца уступающаго времени свое!

Гунибъ, какъ Фаросъ, отвсюду былъ видѣнъ. Вечеромъ, въ темнотѣ, мы съѣхали съ горы Акушинской,—другаго рубежа, въ продолженіе 30 лѣтъ существовавшаго царства Шамиля. Укрѣпленіе Ходжалъ-махинское, строенное со всѣми правилами фортификаціоннаго искуства, съ его стѣнами, башнями и бойницами, орудіями, пороховымъ хранилищемъ, госпиталемъ и хлѣбнымъ запасомъ для войска, пріютило насъ подъ гостепріимную свою сѣнь.

20-го іюля.

Укрѣпленіе Ходжал-Махи представляетъ изъ себя городокъ. Въ немъ довольно много лавокъ для торговли съ горцами. Оно красуется садами. Мостъ въ немъ созданный изъ мѣстнаго тесанаго камня и, перекинутый черезъ Койсу, есть роскошь искуства; онъ достоинъ лучшаго города.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моста по лѣвому берегу рѣки указали намъ на игру разнообразной природы Дагестанской. Отъ сжатаго ущелья, шумно несущійся кипучій горный потокъ нашелъ себѣ ложе подъ земной корой. На протяженіи около 70 саженей скрывается онъ отъ взора, вбѣгаетъ въ нѣдра скалистой мѣстности, откуда слышны ревъ воды и шумное ея клокотанье, и какъ Протей, снова появляется изъ преисподняго своего убѣжища и соединяется съ р. Койсу.

Подобные мосты, извѣстные у Итальянцевъ подъ именемъ чудесныхъ (maraviglioso ponte), возбудили любопытство ученыхъ древнихъ и новыхъ. Стихотворцы воспѣвали Алфей, который изъ Пелопонеза въ Сицилію подъ Іоническимъ моремъ, сливалъ свои струи съ струями водъ Аретузы. Дуга, образовавшая *мостъ Вея*, близь Вероны, имѣетъ 114 футовъ высоты. Дуга Ходжал-махійскаго натуральнаго моста не такъ высока. Рѣчка подъ нимъ проте-

кающая, встрѣтивъ пластъ твердаго камня, преграждающій ей дорогу, прорвала слой мягчайшей породы и образовала свой подземный путь.

Названіе Ходжал-Махи по этимологіи лезгинской значитъ *хуторъ ходжи.* Слова: *махи* и *дарады* постоянно на устахъ Лезгинъ при вопросахъ: что это за деревня? Какая это мѣстность? Махи и дарада или хутора и хозяйственныя сооруженія бываютъ на низмѣнныхъ мѣстахъ, въ долинахъ глубокихъ, привольяхъ, рѣкъ и ущелій, въ дали отъ лѣтнихъ мѣстъ, на горахъ и по скату горъ. Горцы разумно избѣгаютъ жить лѣтомъ въ этихъ хуторахъ, на мѣстахъ лихорадочныхъ. Такъ жили и Грузины въ древности. Жилища этихъ послѣднихъ были на горахъ или полугорныхъ высотахъ. Очень недавно, оставивъ преданіе отцевъ, изъ хозяйственныхъ видовъ сошли съ горъ, окончательно водворились или около своихъ роскошныхъ пашень, или въ садахъ винограда. Хозяйство развилось на счетъ потрясеннаго здоровья. Лихорадка сдѣлалась общею болѣзнію въ продолженіи двухъ каникульныхъ мѣсяцевъ. Древніе были благоразумнѣе насъ, въ выборѣ мѣстъ для жительства. Правила и образъ жизни обитателей степныхъ царствъ, не приспособляемы къ горному царству, какимъ было царство грузинское. При всѣхъ державныхъ правахъ человѣка зависимость его въ мірѣ, какъ помазанника природы, отъ законовъ природы, велика! Враждебныя стихіи, какъ слѣпые спутники странствующаго Одиссея, не оставляютъ его до тѣлеснаго истлѣнія.

Живописна дорога изъ Ходжал-Махи въ Котеши. По ущелью, раздѣляемому рѣчкою указывали намъ на отвѣс-

ныя горы, усѣянныя камнями-кругляками. Каждый изъ этихъ мячиковъ, приготовленныхъ природою для титановъ, имѣетъ по аршину въ діаметрѣ. Сыпучая гора рушится отъ дождей и не погодъ и по мѣстамъ видны диски этихъ камней, ожидающихъ толчка для паденія.

Камни-кругляки эти обыкновенно округляются волнами, катившими ихъ. Попадающіеся же по этимъ высотамъ, доказываютъ присутствіе у этихъ вершинъ моря древняго, предшествовавшаго образованію нашего земнаго шара. Ученые объясняя такимъ образомъ образованіе ихъ, указываютъ на Альпы у *Валорсина*, гдѣ на высотѣ 1000 туазовъ встрѣчаютъ ихъ въ большемъ количествѣ. Занимающіеся физическою географіею пишутъ, что въ Норвегіи близь Кведли есть высокія горы, гдѣ наибольшіе кругляки занимаютъ вершину и чѣмъ ближе къ подошвѣ, тѣмъ толщина ихъ становится менѣе.

Провожатые Лезгины пѣли пѣсни Дагестанскія. Клики и тоны языка лезгинскаго отражаются горами. Онѣ кажутся грубыми и дикими, но есть мотивы и переливы пріятныя. Эти громкія гортанныя клики жителей горнаго царства, вполнѣ приличны и громкимъ горамъ Дагестана и шуму ихъ пѣнистыхъ рѣкъ на днѣ пропастей и свободѣ народности, широко внушенной дикою мѣстностію ихъ древняго населенія. Въ этихъ тонахъ, отражающихся въ горныхъ стѣнахъ Дагестана, проявляется и отзвукивается сила ихъ природы, ихъ воздуха тонкаго, скоро и быстро потрясающагося отъ звуковъ. По нимъ легко изучить отношенія внѣшней природы къ симпатическимъ таинствамъ органической жизни и тѣ физіологическія начала, которыхъ значеніе объясняетъ

древнюю вѣру въ силу пѣснопѣній Орфея, Амфіона, подвигавшихъ горы, укрощавшихъ душу боговъ преисподнихъ.

Кутеши или Котеши есть село замѣчательное разбитіемъ Шамиля. Съ высоты этой мѣстности опредѣляемой въ 800 футовъ видны Акушинскія поля, богатыя пашнями и пастьбищными мѣстами. Здѣсь военный госпиталь, резиденція управленія; главный судъ, судъ народный, словесный, образцовый для судовъ. Онъ древній судъ и судъ правый и короткій.

Въ Дагестанскихъ деревняхъ нѣтъ собакъ. Шамиль строго велѣлъ не имѣть ихъ, какъ животныхъ не чистыхъ и какъ животныхъ, требующихъ прокормленія, въ видахъ его политической экономіи. Собаки дозволялись при стадахъ овецъ, въ защиту отъ волковъ.

21-го іюля.

Отъ Котеши возвышается гора, покрытая стадами. Это лучшее мѣсто для пастьбы скота и табуновъ. Съ ея высоты открывается видъ лучшей части Дагестана. Это,—живая карта природы внутренняго Дагестана, очаровательный ландшафтъ рисуемый его природою. Это,—видъ съ птичьяго полету, видъ съ высоты небесъ, съ зенита мѣстностей. Въ обширной котловинѣ, въ длину на 80 верстъ и въ ширину на 40 видны ущелья, прорытыя вулканомъ и нептуномъ, пріютившими группы населенія съ ихъ полями и садами. Таинственны эти разсѣлины горъ, эти колонны натуры, эти уклоненія и капризы архитектуры архитектона горъ. Сколько онѣ вырываютъ воспоминаній прошедшаго, первоначальнаго, первобытнаго въ эпоху появленія ихъ! Какія не являются идеи или ипотезы во дни ихъ созданія и пересозданія! Невольно останавливается путникъ съ вопросомъ, какъ и когда заставленъ человѣкъ искать убѣжища, по среди этихъ горныхъ отломковъ. Древній историческій міръ засталъ это населеніе. Оно довременно миѳическимъ сказаніямъ писателей, поэтическимъ возгласамъ Гомера и Эсхила, мистическому понятію объ нихъ, какъ о предполагаемыхъ пророками царствахъ, Гога и Магога.

За 900 лѣтъ до Р. Х. Гомеръ, воспѣвалъ прекрасное

озеро солнца, изъ котораго оно устремлялось на твердое небо и отдѣлялось отъ океана блестящими мѣдными стѣнами и въ водахъ коего Эліонъ освѣжалъ себя и своихъ коней.—Ученые, въ этой картинѣ отца поэзіи, находятъ не ясную идею древнихъ о Каспійскомъ морѣ. За нимъ въ преемствѣ вѣковъ, духъ поэтовъ, носится во кругъ Кавказа, какъ страны очарованія для древняго міра. Важны, болѣе или менѣе въ полусвѣтѣ, свѣдѣнія о Кавказѣ, какъ крайней точкѣ земли, Аполлонія родосскаго (250 до Р. Х.) въ его «аргонавтиконъ», Пиндара (456 г. до Р. Х.) въ одахъ Пиѳейскихъ, (Арексилаю Киринейскому), Гезіода Аскрейскаго (900 г. до Р. Х.) въ его «Теогоніи».

Трагедія Эсхила: «Прометей связанный» писателя за 500 лѣтъ до Р. Х. вся принадлежатъ Кавказу и его высотамъ. Здѣсь мѣсто дѣйствій этой первой трагедіи, со всѣми требованіями драматургіи.

Эти-то таинственныя мѣста высокихъ горъ и глубокихъ долинъ, какъ хаосъ первобытнаго міра, напоминаютъ титановъ безобразныхъ своими формами, ужаснувшихъ отца ихъ Урана, который рѣшился связать ихъ цѣпями и бросить на терзаніе въ мрачныя руки Тартара, царствовавшаго въ разсѣлинахъ горъ, въ темныхъ утробахъ подземнаго міра.

Котловина эта достойна кисти художника. Она,— океанъ горнаго материка, со всѣми прелестями парспективы. «Взойдемъ на твой холмъ, восхитительный Ричмондъ, обращаетъ

поэтическую рѣчь, къ отрывку графства Суррай, Томпсонъ, и съ высоты твоей взглянемъ на счастливую Англію». Чтобы сказала муза его, при взглядѣ на безграничную впадину Дагестана, гдѣ видны: широкій подолъ Турчидагъ, Чохъ, Руджа, Гуниби, Салты и щели Салтинскія, черезъ которыя съ шумомъ врываются черныя, мутныя волны Кара-Койсу и чрезъ другія щели вырываются для дальнѣйшаго шума. Насъ провожалъ герой послѣдней войны черезъ мостъ Салтинскій, бывшій наибъ Шамиля Омаръ-Дибиръ, запрудившій цѣлую рѣку и затопившій поля и сады по обѣимъ сторонамъ рѣки, и преградившій на все лѣто путь движенію Русскаго отряда. Любовь къ свободѣ и убѣжденіе находчивы и изобрѣтательны въ средствахъ. Отвѣсное паденіе рѣки въ долину черезъ горную разсѣлину, или какъ называютъ, щель, должно быть на двѣ сажени. Таково и нижнее исходище воды, на другомъ концѣ, имѣющее ширину на одну сажень, закрытое на время Омаръ-Дибиромъ.

Вообще горцы разумны. Горы поучительны. Долгое упражненіе въ военной наукѣ, научило ихъ искуству войны. Ликургъ совѣтовалъ соотчичамъ не воевать долго съ врагами, чтобъ не научить ихъ сражаться. Баконъ твердилъ теоретикамъ и пренебрегателямъ опыта и практики: иди въ мастерскую ремесленника и тамъ больше найдешь познаній, чѣмъ въ школахъ.

Въ Дагестанѣ нѣтъ городовъ или поселеній многочисленныхъ семействъ, которыя могли бы образовать городовую общину. Отъ того происходитъ эта простота нравовъ,

напоминающая утопію древнихъ, простота обманываемая, но не обманывающая. Отъ этой простоты происходитъ довѣріе къ человѣку, гостепріимство или священное *кунакство* горца. Въ этой простотѣ покоится святость правды и даннаго слова. Все это является, какъ будто плодами отсутствія городовъ, которыхъ существованіе, въ видахъ пользы для народа, считалось Аристотелемъ вреднымъ для общественныхъ нравовъ Совѣтуя правительствамъ, препятствовать скопленію народонаселенія въ городахъ, онъ ихъ называлъ скопищемъ разврата. По этимъ началамъ, Дагестанъ кажется какимъ-то отдѣльнымъ міромъ, міромъ Ж. Ж. Руссо, философа уединенія, достойнымъ его ученаго разсужденія «о наукахъ и искуствахъ», принятаго съ похвалою Дижонскою академіею.

Отъ Котешской высоты начинается спускъ по пастьбищнымъ мѣстамъ къ Мехтулинскому ханству. Джунгутай его резиденція. Здѣсь домъ или дворецъ хана. Отъ сюда начинается долина, ведущая въ Темиръ-Ханъ-Шуру — укрѣпленіе и городъ, съ богатымъ домомъ для помѣщенія правителя Дагестана; публичнымъ садомъ, базаромъ для торговли съ горцами и съ превосходною православною церковію.

Основаніе этой церкви заложено во время потрясеній отъ послѣдней войны на востокѣ и западѣ, во дни тревогъ вокругъ Кавказа и отъ Шамиля — шумнаго эха Кавказа, въ самомъ Дагестанѣ. Къ ужасу и изумленію враждебныхъ горцевъ, посреди бури войны, зданіе это росло въ широ-

ту и высоту, какъ гора Сіонъ, въ знаменіе воинствующаго состоянія церкви Христовой на землѣ и торжествующаго на небесахъ,—и въ символъ любви, общенія, единенія и мира, и для всего, пробуждающагося къ цивилизаціи, Дагестанскаго міра.

22, 23 и 24-го іюля.

Отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Петровска 43 версты. За 15 верстъ открывается видъ на море, на Каспій, замѣчательный классическими воспоминаніями.

Петровскъ есть созданіе Петра I, великаго изъ смертныхъ, едва ли не безпримѣрнаго въ ряду царей, созидавшихъ царства и народы. Петръ I, въ первый походъ свой отъ водъ Бальтики къ водамъ Каспія—высадился у береговъ Петровска. До нынѣ преданіе Персидское, Дагестанское и Русское указываетъ на валъ, окружавшій его побѣдительное войско. Петровскъ строится и распространяется въ виду моря, омывающаго берега Хивы и Бухары, Гиляна и Дагестана. Волга—царица Русскихъ рѣкъ, владыка многихъ губерній, врывается въ Каспій съ шумомъ побѣдъ и славы. Владыка моря приноситъ ему дары Сѣвера и уноситъ чрезъ него богатства тропическихъ странъ. Геній Петра бодрствуетъ надъ его водами. Онъ носился надъ нимъ, надъ бездною его пучинъ, какъ духъ пророка, провозвѣщавшій его будущность для Россіи. Мы видимъ нынѣ воплощеніе его живыхъ надеждъ — въ явленіяхъ окружающихъ Петровскъ, достойно посвященный имени Петра. Начатый молъ, со всѣми искуствами нашего времени, дѣлаетъ честь его дѣлателю. Онъ имѣлъ пока 52 сажени. Онъ

образуетъ искуственную гавань въ концѣ мола съ глубиною 14 сажень: мѣра, достаточная для судовъ Каспія.

Устроенная здѣсь для мола желѣзная дорога въ маломъ размѣрѣ есть первое явленіе за Кавказомъ. Огромные камни,—отрывки отъ приморскихъ скалъ, вѣсомъ до 700 и болѣе пудовъ подымаются огромными желѣзными клещами на высоту трехъ сажень, кладутся на вагоны и легко бросаются въ море, оспаривая свое могучее право на дно моря у водъ Каспія. Это—споръ Паллады съ Нептуномъ за обладаніе землею. Для этихъ клещей огромные камни кажутся такъ же легкими, какъ мячики въ рукахъ дѣтей. Онѣ—символъ глазъ иной психеи, легко уносящихъ сердца людей въ міръ поэзіи и поэта. Молъ здѣсь столь необходимый для Петровска, смиритъ бушующія волны неспокойго Каспія. — Машина для выдѣлыванія кирпичей, трубъ и проч.; паровая лѣсопильная машина—дѣйствующія въ виду и присутствіи Лезгинъ — дадутъ понять всему Дагестану значеніе мирной гражданской жизни, какую съ мечемъ въ рукахъ потомки Петра должны были внушить ему въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ.

Каспійское море, какъ и всякое міровое хранилище водъ, поддерживающее растительное и животное царства, имѣетъ величественный видъ. Взоръ упояется безграничностію его, а умъ теряется въ глубинѣ другой безграничности подземныхъ его исходищъ всѣхъ тѣхъ рѣчныхъ массъ, которыя втекаютъ въ это огромное озеро, какъ законно его называютъ. Оно дремало въ тихомъ величіи и сводъ голубаго неба чистымъ синимъ своимъ цвѣтомъ отражался на зыбкой его влагѣ: только свѣжій и тихій вѣтеръ

бросалъ волны къ берегу. Это,—дыханіе моря спокойное, не гнѣвъ разгнѣваннаго звѣря въ часы бушеванья, но вздохи груди отдыхающаго, спящаго великана.

Въ пяти верстахъ на юго-западъ отъ Петровска находится Тарки, резиденція владѣтеля Дагестана или, по выраженію персидскому, Вали Дагестанскаго. Отъ этого мѣстечка этотъ древній властелинъ получилъ названіе Шамхала Тарковскаго, облеченнаго недавно въ званіе князя Русской Имперіи.

Тарки замѣчателенъ въ Грузинской исторіи. Епископъ Манглійскій Іоаннъ съ 1724 по 1738 годъ проповѣдывалъ вѣру христіанскую по Дагестану и построилъ церкви въ Дербентѣ и Тарки. Свѣдѣніе объ этой замѣчательной пропагандѣ и святости самого Іоанна, собранныя изъ имѣющихся у меня документовъ, частію помѣщены въ Путевыхъ моихъ Запискахъ по Кахетіи, изданныхъ въ Тифлисѣ, въ 1846 году.

Нѣсколько другихъ христіанскихъ пропагандъ по Дагестану, совершенныхъ въ разныя эпохи Грузинскаго царства, должны быть предметомъ особаго разсужденія и историческаго изложенія.

Названіе *Каспій* останавливаетъ ученаго для изслѣдованія отрывка Эратостена у Страбона, полагающаго, что былъ народъ, когда-то исчезшій—Каспійскій, давшій и морю названіе *Каспійскаго*, и горамъ окружающимъ море названіе *Каспійскихъ горъ*. Такое замѣчаніе знаменитаго библіотекаря Александрійскаго, жившаго за 200 лѣтъ до

Р. Х., перваго географа, опредѣлившаго градусы меридіана и начертавшаго карту земнаго шара, важно для географіи Кавказа и стоитъ строгаго изслѣдованія и сличенія со всѣми свѣдѣніями, завѣщанными потомству древними космографами.

---

25 и 26-го іюля.

Отъ Шуры путь обратнаго путешествія велъ насъ въ Ишкарты, штабъ-квартиру Апшеронскаго полка. Двѣ или три деревни Лезгинскаго населенія перерѣзываютъ это 18-верстное безлѣсное пространство, богатое пастьбищными мѣстами и пашнями. Штабъ-квартиры полковъ вездѣ, какъ и здѣсь — есть въ полномъ смыслѣ города со всѣми ихъ удобствами. Здѣсь есть и руки рабочія, и мастеровые, и произведенія земли въ овощахъ, и инструменты для техническихъ искуствъ, медики и медикаменты. Мы ночевали у старшины деревни Ишкарты, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста полковаго расположенія. Домъ его чистый, опрятный, снабженъ мебелью, занятою отъ военной стоянки. Боченки, бутылки, тарелки, стаканы, самоваръ и его принадлежности, стклянки съ лекарствами и куски солдатскаго сукна и сапожный товаръ и проч. дышутъ полкомъ. Въ оврагѣ у родника мы встрѣтили группу солдатъ съ группой лезгинокъ, въ общеніи знакомства и дружбы. Если бы не религія Магомета, отнимающая права у женщины на ея міровое значеніе, начало этого единенія возродило бы быстрое соглашеніе въ общихъ интересахъ народа Дагестанскаго, понимающаго нынѣ пользу Русскаго владычест-

ва, приносящаго имъ много удобствъ къ лучшей жизни.

По всему Дагестану устройство домовъ однообразно. Мѣста для постройки домовъ избираются на высотахъ горъ или по скату горъ, тщательно оберегая ихъ отъ потоковъ, разрушительно дѣйствующихъ въ горныхъ мѣстахъ. Дома примкнуты одни къ другимъ. Они возвышаются по горной высотѣ какъ Акрополисы. Отъ того видъ домовъ, составляющихъ деревню, имѣетъ фигуру жилища циклоповъ, пчелиныхъ сотовъ. Они образуютъ изъ себя укрѣпленіе, опасное для враждебныхъ къ нему покушеній. Между домами оставлены узкія, не планированныя улицы. Дома вездѣ двухъэтажные съ галлереями, съ малыми окнами, по мѣстамъ готическими, мавританскими, напоминающими вліяніе на нихъ арабскаго вкуса и владычества. Дворы малые. Нижній этажъ большею частію служитъ имъ для помѣщенія скота; верхній для собственнаго помѣщенія. Дома строены изъ мѣстнаго шифера на глиняномъ цементѣ. Крыши покрыты сыпучимъ шиферным песчаникомъ и не пропускаютъ воду. По недостатку лѣсовъ, тонкія балки, привозимыя изъ далекихъ мѣстъ, подкрѣпляются по срединѣ дома деревянными столбами. Дома оштукатурены глиной, которая вообще не пропускаетъ ни холода зимой, ни жаровъ въ лѣтніе мѣсяцы. По мѣстамъ, гдѣ есть возможность, полированною известью покрывается полъ и жилищъ и галлерей. Этотъ способъ полонастиланія, перенятый отъ Персовъ и Арабовъ, живыхъ свидѣтелей древнѣйшаго міра, существовалъ и въ Грузіи до конца XVIII вѣка.

До подошвы горъ пѣшеходъ тянется по тропинкѣ, пере-

сѣкаемой ключами и ручьями. По мѣстамъ надъ пологостями привлекательные и красивые холмы подымаются выше и выше, круче и круче до вершины. Около вершинъ красуются свѣтлые луга съ свѣжею нѣжною зеленью. Самыя высоты,—вѣнцы громадныхъ горъ, утопаютъ въ лугахъ голубаго небеснаго свода. Путешествіе по этимъ мѣстамъ есть путешествіе по синевѣ неба—цвѣту мантіи, въ которую облекалась Минерва. Отъ этихъ поразительныхъ вершинъ и величественныхъ маковокъ горъ, то острыхъ и зубчатыхъ, то зеленью покрытыхъ, открываются очаровательные виды на ущелья и долины. Глазъ покойно устремляется на долины или сжатыя ущелья, гдѣ пѣнятся надъ камнями чистыя воды въ глубокихъ скалистыхъ руслахъ. На каждомъ шагу являются новыя чудеса разнообразія видовъ величественной природы. — Даже разстояніе горъ, вслѣдствіе утонченности воздуха и чистоты его, сокращаются для взора и даютъ имъ разнообразіе видовъ. Это явленіе горъ есть символъ Ѳетиды, принимавшей всевозможные виды, для избѣжанія преслѣдованій Пелея.

Въ непогоду пребываніе на этихъ высотахъ, среди утонченнаго и рѣдкаго воздуха, напоминаетъ природу мѣстъ, близкихъ къ полюсу земли. Здѣсь,—престолъ зимы суровой и пронзительной. За то, въ нѣсколькихъ стахъ футахъ ниже вершинъ, мѣстахъ прикрытыхъ щитами горныхъ стѣнъ, услаждаетъ насъ нѣжный воздухъ, пропитанный запахомъ растеній и травъ. Луга этихъ покатостей и откосовъ горъ, даже на высотѣ 8,000 футовъ, есть лиственный (ფოჩიანი), самый сочный, питательный и пріятный для овецъ.

26-го іюля.

От Икшартовъ поднимается путникъ къ Каранайскимъ высотамъ, лучшимъ и обширнымъ пастьбищнымъ мѣстамъ, занятымъ полкомъ для сѣнокоса. Высшую точку этихъ высотъ опредѣляютъ въ 9,000 футовъ. На такихъ-то высотахъ и не ниже высотъ въ 11,000 футовъ отыскивалъ, въ одно время съ моимъ по горамъ шествіемъ, ученый ботаникъ Рупрехтъ, травъ и цвѣтовъ, извѣстныхъ, малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученому міру. Флора Дагестанскихъ высотъ ожидаетъ торжественнаго входа въ область науки. Полагаю, что подъ именемъ *Церавнійскихъ горъ* (Montes Ceraunici) у Римскихъ географовъ и *Керавнійскихъ* у Греческаго географа Птолемея, разумѣются созвучныя имъ *Каранайскія горы.* Извѣстно, что и Помпоній Мела и Плиній и Страбонъ полагаютъ ихъ въ этихъ частяхъ Кавказа. Горы эти и по значенію имени и по эпитету называются *громовыми, молніеносными.* Онѣ, по высотѣ своей дѣйствительно, должны быть такими. На этихъ-то вершинахъ, часто надоблачныхъ, и существуютъ тѣ таинники лабораторіи природы, въ которыхъ образуются облака, дождь, молніи, градъ и громы,—атмосферныя явленія воздуха.

Съ Каранайскихъ высотъ рисуется живая природа сѣ-

вернаго и средняго Дагестана. Отсюда видны Гумбетскія горы и Андійскія высоты, отдѣляющія голый Дагестанъ отъ лѣсистой Чечни. Съ этихъ высотъ, какъ съ птичьяго полета, видны Гимри — отечество Шамиля, съ его садами; Ахульго, кровію исписанныя скрижали свободы Дагестанской; Унцукуль, на нашихъ картахъ, или Оскола съ его садами и обиліемъ водъ, гордый духомъ независимости и при Шамилѣ разоряемый и возстановляемый,—Троя Дагестана; Гунибъ и дальнѣйшія горы Аваріи, и горы возвышающіяся надъ долиною Кахетіи.

Рѣка Койсу, шумная, сердито протекаетъ между Унцукулемъ и Гимри—двумя соперниками славы на республиканскую независимость,—завѣтный залогъ, переданный имъ отъ отцевъ для священнаго храненія. Древнее преданіе священно. Оно приковываетъ человѣка къ отчизнѣ и исторіи, слѣдственно нравственности и не дѣлаетъ его космополитомъ, считающимъ своею отчизною то мѣсто и то царство, гдѣ являются интересы купца-пришлеца. Безъ этихъ отечественныхъ началъ, человѣкъ является чужеяднымъ растеніемъ, которое, не имѣя собственной подпоры, ищетъ пропитанія на другихъ растеніяхъ, прирастаетъ къ нимъ, вьется по нимъ, впивается въ нихъ, высасываетъ ихъ и часто удушаетъ ихъ.

Спускъ къ Унцукулю очень крутой. По мѣстамъ дорога непроходима для лошадей съ вьюками. Отъ того развьючиваютъ ихъ, и поддерживаютъ лошадей съ переди и хвоста и даютъ имъ перепрыгивать черезъ тропинки скалъ въ виду, страшнаго для взора, оврага. По ребрамъ горъ растетъ, то лѣсъ хвойный, то сосновый, разумно оберегаемый горцами.

Хвойный лѣсъ и мѣстность живо напоминали мнѣ бока горнаго подъема отъ Македонскаго перешейка къ Аѳонской горѣ (1849 г.), странѣ тѣхъ странниковъ, которые не имѣя здѣ пребывающаго града, грядущаго взыскуютъ, ведомые святостію жизни къ свѣтлымъ высотамъ Іерусалима небеснаго Въ подолѣ горы открывается ущелье съ высокими по бокамъ горами, усѣянное пещерами. Въ этихъ пещерахъ живутъ съ семействами пастухи, пасущіе козъ подлѣ рѣчки, украшающей ущелье. И струи этой рѣчки, и стадо пасущихся здѣсь козъ и пастухи, пасущіе его, рисуютъ картину Виргилія въ сладкихъ эклогахъ его пастуха, передъ тихо журчащею водою. Жизнь въ этихъ пещерахъ напоминала жизнь троглодитовъ первобытнаго міра и жизнь патріарховъ Библейскаго міра. Струи холодной воды протекающей рѣчки призываетъ магометанъ къ молитвѣ. Провожатые расположились по теченію воды, совершили обычный законъ умовенія,—обрядъ несовершенной вѣры и несмывающій ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ нечистотъ. Нѣкоторые изъ нихъ взлѣзли на огромные камни-кругляки и особнякомъ возносили молитву къ небесамъ. Эта картина дѣйствительно трогательна. Если бы къ этой вѣрѣ души пламенной горца, присоединились твердыя начала христіанскаго человѣколюбія и враголюбія, горцы явили бы изъ себя совершенныхъ людей. «Дай мнѣ христіанъ, исполняющихъ ученіе Евангелія», говоритъ Августинъ, «и я укажу вамъ небо на землѣ». Къ сожалѣнію, исламизмъ чуждъ начала единенія съ исповѣдующими святость креста Христова. Онъ не раздѣляетъ съ ними пищи, боится прикоснутся къ животному христіанскаго зарѣза, считаетъ христіанина

созданіемъ противнымъ Богу, не достойнымъ жизни, лишнимъ въ мірѣ, терпимымъ только, какъ терпимъ бурьянъ въ растительномъ царствѣ, безъ грѣха и сожалѣнія вырываемый съ корня и истребляемый. Отъ этого зависитъ тотъ вандализмъ, который, попирая понятіе о высокомъ санѣ человѣческомъ, неприкосновенной святынѣ природы, истреблялъ милліоны душъ, впереди корана сверкавшимъ мечемъ Магомета.

Коранъ не знакомъ съ свободою христіанской печати помазанія и благодати. Онъ навязываетъ на всѣхъ механическія, желѣзныя, рабскія и сокрушительныя цѣпи, взамѣнъ золотыхъ цѣпей, съ убѣжденіемъ, любовію и свободно возлагаемыхъ на себя сынами Евангелія.

Осокола (ოსოქოლა) всегда была сильною республикою, вліятельною на окрестныя населенія. Царь Ираклій II имѣлъ съ нею союзъ, разорванный предпріимчивымъ Омаръ-ханомъ Аварскимъ.

Двѣ дороги ведутъ къ ней черезъ рѣку: или ближайшая отъ Каранайскихъ высотъ черезъ Гимринскій мостъ, или черезъ Чертовъ мостъ, такъ именуемый горцами, и значущійся на картѣ *Шайтанъ-Курпи.* Сказки только могутъ разсказать сказку о мостѣ, чтобъ потрясти ужасомъ воображеніе слушателя. Мостъ Гимринскій, за нѣсколько дней до прибытія нашего снесенный наводненіемъ, заставилъ насъ переправиться черезъ этотъ Шайтанскій сказочный мостъ и потомъ идти пѣшкомъ версты три по узкой дорогѣ, искуственно не искусными руками горца, пробитой тоннели. По мѣстамъ утлыя бревна надъ глубокою пропастію, гдѣ шумитъ рѣка, висѣли на воздухѣ, и

мы должны были идти по нимъ, чтобъ успокоиться въ Осоколѣ—горномъ оазисѣ, богатомъ фруктами и виноградомъ.

Въ часъ прибытія въ село, по принятому правилу, молла взошелъ на высоту мечети, воспѣлъ славу покровителю путниковъ и огласилъ народу право гостепріимства, среди хранимаго Богомъ населенія.

Ночлегъ нашъ былъ въ домѣ казначея Шамиля, лучшемъ въ деревнѣ. Съ его небогатой галлереи, открывается богатый видъ на окрестности горъ, на сады, въ зелени которыхъ роскошно тонетъ лучшій оазисъ горнаго древняго населенія. На одной горной площадкѣ, смиренно возвышаются насыпи надъ могилою умершихъ. Смерть,—тайна міра, имѣетъ здѣсь свое печальное сѣдалище. По утру рано, по обычаю древняго и новаго Востока, послышались намъ отъ чтенія алкорана звуки Арабскаго языка. Мальчикъ *15 лѣтъ*, сидя у могилы, протяжно и громко тянулъ тоны звучнаго языка священной книги Магомета. Исламизмъ читаетъ на этотъ случай 36 и 37 главы корана. Не понятно, почему именно эти главы, или суры посвящены чтенію надъ отошедшими отъ міра сего. Въ нихъ, кажется, ничего нѣтъ соотвѣтствующаго смерти и разрушенію, ни благословеній, ни молитвенныхъ возгласовъ, ничего и для тѣхъ, которые читаютъ эти нелогично, т. е. не послѣдовательно сложенныя главы, съ странными и никѣмъ еще изъ магометанъ не объясненными наименованіями.

Человѣкъ, скоро при созданіи своемъ пошатнувшійся въ основаніи своихъ нравственныхъ и затѣмъ физическихъ силъ, сдѣлался робкимъ и пугливымъ искателемъ дверей

своего потеряннаго жилища. Имъ овладѣлъ страхъ и мистицизмъ; сдѣлался суевѣрнымъ. Чѣмъ темнѣе предметъ, тѣмъ онъ больше наклоненъ къ размышленію скорбному объ отысканіи пути къ цѣли существованія. Алкоранъ, языка непонятнаго, содержанія не объясняемаго для читающихъ, овладѣлъ имъ. Онъ преданъ обрядамъ по инстинктивной вѣрѣ въ книгу, будто вызванную съ небесъ, и чуждъ высокаго правила христіанства, въ видахъ свѣтлаго, разумнаго убѣжденія, выражаемаго апостоломъ: *испытуйте писанія.* Безъ этого пробнаго камня, легко ошибиться въ разборѣ золота и мѣди, серебра и свинца.

27-го іюля.

Отъ Унцукуля поднимается дорога по высокому хребту. Чтобъ добраться до высоты горы, потребно было два часа. Спускъ также трудный и скучный. Въ полдень мы уже были на землѣ Аварскаго ханства. Прекрасная ея равнина и широкое поле, богатое для скотоводства, рѣзко отдѣляютъ Аварію отъ дикихъ скалъ другихъ мѣстъ Дагестана. Эта широкая и ровная мѣстность имѣетъ въ длину до 12 верстъ и въ ширину 7. Это—передовая земля Аваріи. Понятное отъ чего въ славѣ по всему Дагестану лошади Аварскія. Вотъ источникъ богатой конницы Омаръ-Хана, или по названію самихъ Аварцевъ, Ума-Хана, завоевателя Дагестана, смѣло вторгшагося въ Грузію (1751 г.), грозно ставшаго лагеремъ подъ Душетомъ и Мчадисджвари (въ 6 верстахъ отъ Мухрани), пронесшаго свой острый мечъ до Сурама—границы Имеретинскаго и Грузинскаго царствъ и полетомъ птицы явившагося подъ священныя стѣны Ахталы (въ Сомхетіи), въ имѣніи князей Меликовыхъ. Его именовали орломъ Дагестанскимъ.

Не сомнѣваюсь, что село *Мушули* въ Аваріи, есть колонія опустѣвшей при Омаръ-Ханѣ деревни въ Сомхетіи *Мушули* же. Явленіе подобныхъ населеній въ Дагестанѣ не есть случайность созвучія названій. Оно указываетъ на

колонизацію увлеченныхъ въ плѣнъ Грузинъ, во дни опустошительныхъ набѣговъ Дагестанцевъ на поселенія Грузинъ, по всему пространству царства Грузинскаго. Вотъ почему царь Ираклій въ письмѣ къ Екатеринѣ II, въ видахъ описанія ужаса положенія края въ его время, возгласилъ: «*Грузія опустѣла: Лезгины перебрали или перемѣстили ее въ Дагестанъ*»,—если съумѣлъ я перевесть эту грустную, скорбную, элегическую фразу царя: «ლეკთა გაადაგეს საქართველო»!

Аварія,—это лучшій отрывокъ Дагестана, плодовитое ядро его, цвѣтъ всего лучшаго и сильнаго и въ вѣрѣ и въ политикѣ. Хунзахъ—ея столица, резиденція ея правителей или хановъ, счастливо географическимъ своимъ положеніемъ огражденная отъ нашествій со всѣхъ сторонъ.

Хунзахъ есть мѣсторожденіе Аджи-Мурада, лучшаго наиба Шамиля, смѣлаго и храбраго наѣздника, опоры Шамиля, правой руки его. И жизнь его, еще не описанная и смерть его геройская, достойны страницъ военной исторіи.

Очень жаль, если не соберутся великія имена свободы Дагестанской, свободы Галловъ до Кесаря, свободы азіатской Швейцаріи, для потомства и исторіи. Желательно, чтобъ героямъ горной войны Кавказской Иліады въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, была бы отдана должная честь. Исторія должна быть безпристрастна. Она великодушнѣе людей, враголюбива. Ненависть вообще есть удѣлъ мелкихъ душъ, и душъ достойныхъ презрѣнія, но не мѣста и враждованія.

Хунзахъ расположенъ на долинѣ широкой и длинной, оканчивающейся съ сѣвера селомъ *Сивуха*, съ высоты,

котораго видны горныя вершины, командующія Преображенскимъ, заложеннымъ для пребыванія полка и силуэты Андійскихъ высотъ, за которыми является роскошная растительностію Чечня. Протяженіе этой долины, усѣянной пашнями, должно быть около 15 верстъ.

Мѣстность Хунзаха голая, безъ лѣсовъ. Его знаменитости новаго времени составляютъ: домъ хановъ, истребленныхъ Шамилемъ; каскадъ отъ водъ Хунзахской рѣчки; природный басейнъ, образовавшійся отъ паденія рѣки въ пропасть, куда съ высоты 5 сажень бросаются Хунзахцы, показывая искуство ырянья и молодечества; отвѣсная скала, откуда восточная власть неограниченнаго и дикаго деспотизма, бросала въ пропасть оврага виноватыхъ и очень часто не виноватыхъ преступниковъ. Это,—Тарпейская скала Аваріи; наконецъ мечеть, въ которой истреблены ханы и гдѣ палъ измѣнническій Гамзатъ-Бегъ, описанный Марлинскимъ.

Гдѣ могила Омаръ-Хана, неизвѣстно. Отъ чего такая вообще небрежность къ праху великихъ людей? Могилы дѣлаются при большихъ дорогахъ. Магометане подражаютъ въ этомъ Римлянамъ, но не въ великолѣпіи ихъ и прочности, чтобъ не выражать непрочной славы непрочнаго вообще міра сего. По мѣстамъ, однако же, видны могилы и склепы усопшихъ на землѣ отцевъ ихъ, въ память внукамъ и потомству. Такъ и Израильтяне не переставали думать о костяхъ отцевъ: потому что на нихъ, какъ на основныхъ камняхъ, покоилось зданіе рода и его историческое для потомства значеніе.

Мнѣ разсказали, что въ Аваріи гдѣ-то были отысканы

на какомъ-то зданіи Шведскія или Латинскія надписи, и будто копіи съ нихъ тщательно fac-simile сняты и отправлены въ Академію наукъ или куда-то. Не отъ миссіонеровъ ли католическихъ въ XIV вѣкѣ, съ буллою отъ папы Іоанна XXII и посланіями къ Грузинскимъ царямъ и другимъ владѣльцамъ, ходившихъ по Дагестану съ цѣлію христіанской проповѣди.

По дорогѣ живописно рисуется узкая долина, образующая изъ себя съ трехъ сторонъ родъ бассейна на протяженіи 15 верстъ и въ ширину на 2 версты. По этой пустынной скалѣ поражаетъ насъ необыкновенный покровъ растеній. Это,—не зелень, вообще пріятная по Дагестану, но цвѣты всѣхъ родовъ и видовъ. Это,—тонкая ткань, узоръ бархата съ цвѣтами яркими, желтыми, красными, бѣлыми, голубыми, фіолетовыми и со всѣми ихъ оттѣнками, въ полнотѣ сочетаній красокъ. Это,—ковры природы, неподражаемой въ своихъ произведеніяхъ. Это,—воплощенная красота, въ многообразности и безконечности ея формъ, плѣняющая возбужденную ею душу, живительно вызывающая наслажденіе у взора человѣческаго, настраивающая его умъ и сердце къ изъящному въ природѣ. Здѣсь единственный пунктъ, гдѣ встрѣтили царство цвѣтовъ, столь сильно указывающее на прекрасное, трогающее не одинъ бездушный глазъ, но сердце для эстетическихъ ощущеній, возвышающихъ человѣка до благодатной симпатіи съ природою.

Этотъ цвѣтникъ достоинъ палатъ роскошнѣйшихъ изъ земныхъ сыновъ и висячихъ садовъ Вавилона.

Творческое воображеніе древнихъ боготворило ужасное, полезное и пріятное въ мірѣ. Оно воздвигло бы здѣсь, въ

этомъ восхитительномъ поднебесьи храмъ Флорѣ и не ошиблось бы. Таковъ лучшій отрывокъ отъ садовъ эдема, благодатно напояемыхъ *росою небесною, слезами Авроры.* Что за языкъ лезгинскій? раждается вопросъ при звукахъ, которыми выражаетъ свое разумное существованіе народъ, владѣющій Дагестаномъ. Къ какому семейству отнести языкъ народа древняго, существовавшаго до Р. Х. и извѣстнаго Страбону подъ настоящимъ именемъ *Леки* (legae)? Языкъ есть тайна природы. Попытка ученыхъ въ открытіи первоначальнаго языка или, какъ они именуютъ, отца-языка, кружатся около Санскритскаго языка. Кавказъ лежитъ ближе къ центру тѣхъ странъ, въ которомъ господствуютъ Индо-Германскіе языки. Понятно, что если Санскритскій отразился въ духѣ языковъ Греческаго и Латинскаго, Нѣмецкаго и Славянскаго, какъ отцахъ-языкахъ Европейскихъ языковъ, то преимущественно долженъ былъ оставить слѣды свои въ языкахъ Грузинскомъ и Армянскомъ, ближайшихъ къ Индіи, древность которыхъ не подвержена сомнѣнію. Письмена Грузинскія и Армянскія, явившіяся въ V вѣкѣ, уже послѣ введенія въ Грузіи и Арменіи христіанства, дѣйствительно, какъ первый замѣтилъ Анкетилъ, образовались отъ буквъ или начертаній отростка Санскритскаго — Деванагари, но языки остались чуждыми корня семейства Индо-Германскаго. Не видно, чтобъ языки ближайшаго къ Кавказу народа, древняго владыки современнаго солнцу народа Персидскаго, какъ Зендскій, бывшій какъ думаютъ священнымъ, Пельвійскій, языкъ древней Мидіи и Парсійскій, имѣли вліяніе на составъ ихъ языковъ. Само собою понимается, что существующіе въ языкахъ

этихъ остатки словъ и названій древняго вѣрованія, есть случайности религіознаго вліянія, а не родства семейственнаго или племеннаго. Въ этомъ послѣднемъ должно искать начала происхожденія языковъ. Семейство Арамезнскихъ языковъ, каковы: Арабскій, Еврейскій, Финикійскій, Сирійскій, бывшихъ въ древности въ связяхъ съ Кавказомъ, далеко отъ языковъ Кавказскихъ.

Если на языкъ Лезгинскій, народа уединившагося и запершагося въ горахъ еще до Р. Х., нельзя смотрѣть какъ на первобытный и коренной, то нельзя отнять у него права происхожденія отъ отца-языка исчезнувшаго и права видѣть въ немъ наслѣдника нарѣчія, отъ народа до историческихъ временъ, породившаго все это племя для исторіи. Какихъ трудовъ стоитъ дойти до сѣмени того растенія, которому дало существованіе и само истлѣло? Глубокая древность народа и языка его потребуетъ глубокихъ свѣдѣній, розысканій, которыя неуловимы въ настоящее время для меня, какъ быстраго странника по царству Лезгинскаго языка или языка одного изъ 26 народовъ, составлявшихъ, по словамъ Страбона, древнюю Албанію.

Въ словахъ *Хунзахъ* и *Гунибъ* звучитъ названіе Гунновъ. Дѣло археологовъ разъяснить этотъ отрывокъ великаго народа, начавшаго свое грозное для міра существованіе съ половины IV вѣка до Р. Х., отъ Урала и береговъ Каспійскаго моря, до Западнаго Океана. Изъ исторіи извѣстно, что находясь еще между Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ, Гунны шли массами въ Персію и опустошали сѣверныя ея области до Малой Азіи.

Въ названіи *Аварiи*-видно имя перерожденнаго Гунна

въ Авара, въ началѣ VII вѣка. Самое древнее племя, по историческимъ указаніямъ, въ Дагестанѣ есть *Тюркское*. Эта раса Турана проникла туда съ сѣвера Каспійскаго моря. Съ нею Персы всегда были во враждѣ и оттѣсняли ее отъ своихъ границъ. Аравитяне застали ее въ Дагестанѣ и имѣли съ нею постоянную войну.

Философъ Лейбницъ первый замѣтилъ, а Александръ Гумбольдтъ повторилъ указаніе этногенистамъ искать начала народовъ по остаткамъ названій, которыя оставлены горамъ, морямъ, рѣкамъ, ущельямъ во дни ихъ движенія. Но какъ движеніе ихъ и передвиженіе было не одно, а указаній историческихъ и полуисторическихъ мало, неполно, темно, то отъ этого изникли цѣлыя смѣлыя системы этнографовъ и этнологовъ, впадавшихъ въ неисходную пропасть парадоксовъ и гипотезъ, увлекающихъ, но не убѣждающихъ.

---

28 и 29-го іюля.

Роспоминанія громадныхъ дѣлъ, совершившихся вокругъ завѣтнаго Хунзаха, увлекаютъ путешественника въ міръ разсказовъ и исторіи. Онъ останавливаетъ его на каждомъ шагу, отъ мечети, по крутой дорогѣ черезъ горные извивы, мимо садовъ въ скалистыхъ оврагахъ, находящихъ себѣ теплоты, которая пріютила виноградъ, сливы, груши и другіе плоды юга. Крутой, обыкновенный въ Дагестанѣ спускъ по горѣ, испещренной пещерами, жилищами Циклоповъ перваго міра, Греческаго младенчества, низводитъ къ рѣкѣ Койсу, къ мосту и черезъ шумныя и мутныя ея воды, къ богатой садами долинѣ, усѣянной пашнями. Мостъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ при Шамилѣ, послѣднемъ грозномъ властелинѣ Дагестана и оберегателѣ его свободы. Онъ имѣетъ по обѣимъ берегамъ караульни, въ защиту единственнаго прохода отъ ущелья къ ущелью. Стражами моста остаются донынѣ жители деревни, прикрывающей лѣвый берегъ рѣки по утесамъ.

За рѣкою, отъ долины начинается дорога къ Тилитли, по высокому возвышенію, покрытому богатою травою. Посѣвы кукурузы и мельницы оживляютъ мѣстность по всей

дорогѣ, гдѣ видны могилы убитыхъ въ священной войнѣ съ Русскими. Могилы ихъ означены высокими шестами съ значкомъ изъ шерстяной зеленой матеріи, принятой исламизмомъ, можетъ быть ради эмблематическаго его значенія надежды. На другихъ шестахъ спокойно сидитъ вырѣзанная изъ дерева птичка: символъ плачущей поэзіи надъ прахомъ усопшаго и улетѣвшаго въ горній міръ героя.

Кукуруза, столь полезное растеніе, появившееся въ Европѣ и Азіи изъ Перу и Мехики, странъ Америки, явилась въ Дагестанѣ недавно. Она и въ Грузіи существуетъ съ 1740 года и сохранила на грузинскомъ языкѣ латинское или ботаническое его по Линнею названіе *симинди* (სიმინდი) Zea Mays. Католическіе миссіонеры, имѣвшіе резиденцію въ Тифлисѣ, Кутаисѣ и Ахалцихѣ, были первыми доставителями изъ Италіи сѣменъ кукурузы по Кавказу. Какъ хлѣбное растеніе, дающее питательную сладкую муку и котораго одно зерно даетъ самъ 500, составляетъ главную пищу горца. Оно вполнѣ вознаграждаетъ скудость хлѣбнаго и ячменнаго производства въ сжатыхъ ущельяхъ горъ.

Другое замѣчательное растеніе съ обиліемъ плодовъ, разводимое горцами, есть горохъ или бобы, извѣстные въ Грузіи подъ названіемъ *бакла* (ბაკლა), а у ботаниковъ, если не ошибаюсь, Phaessolus multiflorus по Линнею. Я встрѣчалъ его по склону Каранайскихъ высотъ, па высотѣ 5,000 футовъ, по Аваріи и въ другихъ частяхъ Дагестана. На этихъ бобахъ, въ эту пору времени моего странствованія, я видѣлъ уже мясистые стручки съ сѣменами. Растеніе это мудро пріурочено къ холодной почвѣ Дагестана.

Оно по натурѣ своей весьма мало ощутительно къ ночнымъ морозамъ.

По дорогѣ въ Тилитли, въ 4 верстахъ до его завѣтнаго мѣста, указали мнѣ подземное жилище, жилище разрушенное Шамилемъ. Это,—обиталище бывшаго религіознаго отшельника Кибитъ-Магомета, самаго вліятельнаго подвижника исламизма, едва ли не возсоздателя мюридизма Изъ этой разрушенной храмины вывелъ его Шамиль на сцену военной жизни. Онъ передалъ въ молитвенныя его руки мечъ воина въ защиту корана и свободы Дагестанской. И этому крѣпкому вѣрою мечу обязанъ Тилитли сохраненіемъ своего существованія. Тилитли не могъ быть взятъ силою. Кибитъ-Магометъ, съ галлереи его помѣщенія, самъ разсказывалъ намъ исторію подступленія русскихъ войскъ, ихъ расположенія по горамъ, долгой сѣчи и о снятіи осады. Онъ имѣетъ хорошій и опрятный домъ, пользуется покровительствомъ правительства, уваженіемъ народа, славою воителя и выгодами гражданина среди обширнаго семейства. Онъ въ лѣтахъ, но видны въ немъ еще слѣды *вихря горной пустыни.* Онъ мнѣ показался уцѣлѣвшимъ столпомъ среди развалинъ древняго зданія дикой свободы Дагестана, или обломкомъ древнихъ дней грозной исторіи Кавказа. Изъ-подъ бѣлой чалмы, которою обвязана его голова, выказывается его разумное чело, откуда истекали высокія и здравыя мысли о народныхъ правахъ, о значеніи даннаго слова, объ отношеніяхъ своихъ къ Шамилю и проч. Опасенъ фанатизмъ политическій, одушевляемый идеями свободы и безопасности древнихъ державныхъ правъ народа, но еще опаснѣе онъ, когда соединяется съ фанатиз-

момъ религіознымъ, обуяннымъ святыми идеями о Богѣ и вещахъ Божественныхъ! Побѣдительная сила разума должна разрушить и то и другое состояніе человѣка, если оно сложилось отъ убѣжденія неразумнаго, или, если оно есть гнусное исчадіе и порожденіе страсти.

Тилитли расположенъ акрополисомъ, примкнутымъ къ скалистой отвѣсной горѣ; съ прочихъ сторонъ окруженъ широкимъ кратеромъ, котораго отвѣсныя скалы служатъ естественными крѣпостными стѣнами населенію изъ 200 домовъ. Посрединѣ кратера съ востока на западъ протекаетъ рѣчка, которой стремительныя струи вертятъ жернова устроенныхъ мельницъ и по мѣстамъ орошаютъ сады и табачныя плантаціи, снова водворенныя по всему Дагестану, уже послѣ Шамиля, не разъ снимавшаго головы съ плечъ горца за куреніе табаку. Спартанская строгость Шамиля преслѣдовала всѣхъ отъ предметовъ роскоши, вредной для воина и гражданина, до невольнаго цинизма нищеты. Въ обществѣ Богозль и Тиндалъ скудость средствъ не позволяла женщинамъ прикрыть листами смоковницы стыдъ наготы человѣческой. Шамиль, подъ смертною казнію, велѣлъ прикрыться женщинамъ, въ видахъ сохраненія чистоты нравственной. Стыдъ прикрылся; но не сохранилась, говорятъ, нравственность цѣлаго общества, издревле допускавшая у себя общность женъ республики Платона.

30 и 31-го іюля.

Отъ высотъ Тилитлинскихъ видно небольшое населеніе, извѣстное подъ грузнискимъ названіемъ *Датуна*, этимологически уменьшительно-унизительное отъ имени *Давида*. Датуна замѣчательна христіанскою церковію, второю изъ указываемыхъ намъ въ центрѣ Дагестана. Путь мой не пролегалъ по ней и потому я не могъ ее видѣть. Мнѣ сказали, что она постройки каменной на известп, древня, ветха и пуста. Неизвѣстно, когда замолкли въ ней слова и гимны правды Евангельской, самой высокой философіи, которой искали Платоны и Аристотели, Зеноны и Анаксагоры. Говорятъ, что жители этой деревни кротки и не мстительны. Очень возможно, что древнее христіанское вѣрованіе смягчило нравы ея обитателей. Оно притупило мечъ Немезиды, царствующей еще въ горахъ и пристыдило великодушіемъ мстительныхъ, думающихъ, отплатой за оскорбленную честь, внушить уваженіе къ себѣ.

Цари Грузинскіе постоянно усиливались внести христіанскую вѣру въ Дагестанъ. Цари Кахетинскіе Леонъ и Теймуразъ 1-й ходили туда съ священною войною, безъуспѣшно. Исламизмъ сильно царствуетъ въ Дагестанѣ: трудно дѣйствовать на вѣру, которой дозволены чувственныя

удовольствія въ мірѣ и которая проповѣдуетъ тѣже удовольствія за гробомъ. Въ половинѣ XVIII вѣка имѣлъ туда апостольское хожденіе святитель Іоаннъ, Епископъ Манглійскій. Въ Тарки, Дербентѣ и въ крѣпости Св. Креста создалъ онъ церкви. Не создалъ ли онъ и эту церковь *Датуни*, по дорогѣ черезъ Дагестанъ? Или она принадлежитъ этой эпохѣ, успѣшно начавшей, но обстоятельствами царства Грузинскаго не поддержанной проповѣди, или же есть созданіе самихъ грузинскихъ дезертировъ или колонистовъ плѣнныхъ, желавшихъ съ потерей родины, не потерять вѣры,—залога святыхъ предковъ. Черезъ высоты, покрытыя зеленью, мы очутились у моста Гидитли, у малой деревни, говорятъ, грузинскаго населенія. Они потомки тѣхъ плѣнныхъ, которые въ преемствѣ вѣковъ позабыли свою вѣру, но не племенное происхожденіе. Ихъ новоселье и сліяніе съ сосѣдями произвело измѣненіе и въ нравахъ. Климатъ, пища и образъ мѣстной жизни наложили на нихъ свою особенную печать, но не стерли съ нихъ печати народнаго, родоваго характера. Нигдѣ такъ сильно не проповѣдуется происхожденіе племенное, благородное и не благородное, кровное и некровное, какъ въ Дагестанѣ и вообще на Кавказѣ. Здѣсь очень ясно читается эта книга генеалогіи, надъ составленіемъ которой до нынѣ трудятся ученые и ученыя общества въ Германіи, Франціи и въ самой Россіи. Изъ естественнаго понятія о заслугахъ и преимуществахъ одного передъ другимъ, образовалось понятіе о главныхъ родахъ, славныхъ подвигами, и желаніе не смѣшать ихъ разнородностію и разновѣрностію браковъ. Такъ Моисей обозначаетъ свою народную генеалогію названіями

сыновъ человѣческихъ и сыновъ Божіихъ, и отъ роковаго смѣшенія ихъ производитъ цѣлую исторію измѣненія нравовъ.

Мостъ Гидитлинскій простъ и искусно сдѣланъ. Богаты лѣсомъ окрестности Гидитля. Здѣсь ростутъ сосна, орѣховыя деревья, абрикосовыя деревья во множествѣ и сливы для кислотъ (ტყემალი). На высотахъ горъ являются березовыя деревья (არყის-ხე). Изъ бадьяги или губы (Nuphia Spongis), наросту на березовыхъ деревьяхъ, лиственницахъ (მურყანი) и липахъ (ცაცხვ) горцы приготовляютъ трутъ (beletus igniarius).

Такимъ путемъ, оживленнымъ лѣсами, лучшимъ украшеніемъ природы, мы вечеромъ достигли до полувысоты горы, на которой раскинуто большое село Ратлухъ, мѣстопребываніе бывшаго Элисуйскаго султана Даніель-Бека, несчастно передавшагося Шамилю во дни возстанія Дагестана.

Жители Ратлуха разумны, привѣтливы, гостепріимны, страннопріимны, непоспѣшны, какъ вообще всѣ разумные. Они прислушиваются къ слову, дѣламъ, явленіямъ; не поспѣшны въ заключеніяхъ и приговорахъ. Насъ помѣстили въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жило семейство Даніель-Бека. Съ крыши двухъ-этажнаго дома радушнаго хозяина открывается видъ живописный на горы и ихъ покатости, на снѣжныя вершины другихъ горъ въ дальнемъ горизонтѣ, на рѣчку въ глубокой долинѣ ущелья, прорѣзавшую себѣ шумное теченіе.

Зурна горная, тимпанъ или горный барабанъ созвали большихъ и малыхъ на узкой улицѣ. По зурнѣ плясали горцы, пѣли пѣсни, содержаніемъ коихъ были воинственные

подвиги Шамиля и слава недоступнаго для враговъ Дагестана. Любовь и интриги ея, предметъ пѣснопѣній Мидянъ, перешедшій къ наслѣдникамъ ихъ Персамъ, не проникъ въ поэзію горца. Женщина въ Дагестанѣ—рабыня въ высшей степени. Тайна брака магометанскаго не дышетъ цѣлями природы. Она отнимаетъ у женщины державныя ея права въ мірѣ. Отъ этого женщина, обреченная на трудъ низшій, не можетъ любоваться своею наружностію, ни убранствомъ. Она не знакома съ кокетствомъ, которое манитъ и привязываетъ сердца. Ея доля самая жалкая, доля на ряду съ рабочими животными. Вообще въ горахъ, при такомъ состояніи женщинъ, не развита эстетическая любовь, любовь рыцарская, благочестивая, дружеская, любовь разгаданная Платономъ, Петраркомъ, Руставелемъ.

Среди горной Дагестанской серенады начались выстрѣлы изъ ружей. Стрѣльба эта была въ честь, только что огласившагося рожденія сына у разумнаго нашего домовладыки. Мы поздравили его съ приращеніемъ его домочадцевъ. Горецъ былъ въ восторгѣ.

Съ высоты горной указали намъ на другую высоту, надъ которой, какъ уединившаяся голубица, стояла малая деревня. Это,—деревня въ плѣнъ когда-то взятыхъ Грузинъ. По обычаю мѣстному или по закону Дагестанскому, на этотъ случай дышущему природой, они считались рабами на 7 лѣтъ и черезъ 7 лѣтъ рабства, по закону Моисея, имъ дана свобода гражданъ Дагестана. Не смотря на дикую природу скалъ ихъ и новаго ихъ отечества, свободный трудъ колоніи умѣлъ приготовить неблагодарную почву для посѣва ячменя. Земля, пишетъ Плиній,—свидѣтель раб-

ства у Римлянъ, не воздѣлывается у рукъ, лишенныхъ свободы.

Coli rura ab ergastulis pessimum est, et quidquid agitur, á disperantibus.|

Съ этой стороны Дагестанъ поучителенъ. Онъ, лучше и зрѣлѣе многихъ народовъ, изучилъ естественное право свободы и правило народной жизни, что палки и насиліе учатъ послушанію рабскому, и что крайность випцеты и господство надъ свободою себѣ подобныхъ, производятъ дурные нравы.

1-го августа.

Утро нахмурилось. Облака закрыли весь горизонтъ. Гроза разразилась въ окрестностяхъ. Дождь полилъ и мы пустились въ дорогу, которая шла къ высотѣ, къ перевалу на точкѣ 9000 футовъ. Въ полуверстѣ отъ Ратлуха начинается превосходный лѣсъ сосновый. Потребно было три съ половиною часа времени, чтобъ стать на маковкѣ высоты, на голой, травою покрытой мѣстности, со всѣхъ сторонъ обданной густымъ туманомъ. Отъ горнаго холода, набросило на бурки наши или тѣже хламиды древнихъ, замерзавшій иней. Уже при спускѣ отъ перевала пересталъ дождь. Показывались и скрывались, сквозь рѣдѣвшія и быстро уходившія облака, пики горъ, какъ кокетка подъ скромнымъ покрываломъ въ защиту отъ нескромныхъ взглядовъ. Этотъ тяжелый трудный спускъ, требовавшій три часа времени, ввелъ насъ во владѣнія Анцухи, лѣсистымъ путемъ, черезъ сотни ѳермопилъ, черезъ сотни каудинскихъ проходовъ—ужасовъ исторіи Персовъ и Рима.

По высотѣ горъ безлѣсныхъ, здѣсь, какъ и по всему Дагестану, являются низкіе кусты розоваго дерева, извѣстнаго подъ именемъ рододендронъ. Но такъ какъ рододендронъ бываетъ двухъ родовъ, *Maximum* и *Ponticum*, то этотъ Дагестанскій, непохожій, на высотахъ Сурама, расту-

щій, то полагаю, что онъ есть Ponticum, дающій не розовые цвѣты, но густо-фіолетовые. Этотъ послѣдній родъ, извѣстный подъ названіемъ Chrisanthum, обыкновенно растетъ и въ другихъ мѣстахъ земнаго шара на скалистыхъ мшистыхъ скатахъ снѣжныхъ горъ и на предгорьяхъ, не производящихъ другаго лѣса.

Жителямъ Дауріи извѣстенъ онъ, какъ превосходное лекарство въ разныхъ хроническихъ и ревматическихъ болѣзняхъ, употребляя какъ чай, взваръ отъ его листьевъ и получая облегченіе отъ ломотъ въ суставахъ, въ самое короткое время. Какъ болѣзни эти, по причинѣ вѣчныхъ тумановъ и холодныхъ мѣстъ Дагестана, должны быть общи, мѣстны; то благодѣтельная природа помѣстила посреди населенія и способъ избавленія отъ нихъ. Таково дѣло провидѣнія Божія, которое въ явленіяхъ природы по извѣстнымъ ему причинамъ и разитъ и возставляетъ человѣка.

«Céşt dieu qui fait la plaie
et qui la bande.»

По низменнымъ мѣстамъ рѣчки Анцухи растетъ въ великомъ множествѣ хренъ (Cochlearia)—растеніе благодатное, какъ вѣрное средство отъ цынги. Не знаю, знакомо ли горцамъ употребленіе его. Бока горъ по рѣчкѣ роскошно утопаютъ въ тѣни и зелени лѣсовъ. Здѣсь ростутъ и сосна и пихта и временъ Соломона и славы Тира прославленные кедры Ливана.

Въ Дагестанѣ не видно птицъ, любящихъ лѣса. Но, подъѣзжая къ подошвѣ горы у дикаго ущелья, явилась стая

коршуновъ. Они во множествѣ вились около вершинъ скалистой горы, усѣянной пещерами, гдѣ они имѣли и гнѣзда свои. Они напомнили миѳъ древняго міра: коршуна, терзавшаго Прометея, прикованнаго къ скалѣ Кавказа отцемъ боговъ. Не отъ этой ли скалы и тотъ завѣтный кусочекъ отъ скалъ Кавказа, который по приказанію грознаго Юпитера, осужденный Титанъ долженъ былъ вложить въ желѣзное кольцо для постояннаго на пальцѣ ношенія. Отъ куска этой скалы Кавказа, говоритъ древнее преданіе греческой миѳологіи, произошло начало употребленія перстней.

Плодовитъ геній Греческій. Его смѣлый символическій полетъ оставилъ свои слѣды на вершинахъ Кавказа и въ пропастяхъ его глубокихъ ущелій.—Онъ есть свѣтлый для насъ лучъ, водящій насъ во тьмѣ вѣковъ, которые пронеслись надъ священными остатками и свидѣтелями временъ хаоса, образователя, и временъ потопа, преобразователя Кавказа.

Грузины именуютъ одну изъ близкихъ къ Кахетіи горныхъ высотъ Дагестана *горою орловъ* или коршуновъ (ყორნის-მთა), или по грузински *корнисмта*. Въ этомъ словѣ звучитъ и названіе той же горы у Греческихъ и Римскихъ географовъ Montes Coraxici. Такъ у Страбона и Плинія и другихъ Грузинское *корани* или Греческое и Латинское *Кораксъ* означаютъ *орла* или *ворона*. Отъ этого и горы эти именуются *врановыми* или *орлиными*. На нихъ водится самый хищный изъ птицъ—ягнятникъ (Gypäetus barbatus) и беркутъ или орелъ обыкновенный, Aquila Fulva, преслѣдующій дикихъ козъ (Antilope), волковъ и лисицъ.

—

Богатые люди изъ среды обитателей Дагестана носятъ перстни, происхожденіе которыхъ обязано горамъ Кавказа, ближайшимъ для творческаго генія Грековъ и его символовъ,—миѳологіи, древней философіи народовъ. Перстни украшались восточными камнями богатой Индіи и всей Азіи, колыбели человѣчества. Яркіе кристаллы отъ грубаго минеральнаго царства, поразительные для глазъ, увлекли, на зарѣ вѣковъ, человѣка украшать ими благородныя части его тѣла: руки, грудь и голову. Такъ Авраамъ, патріархъ древняго міра, просилъ надѣть перстень на Ревекку, обрученную для Исаака. По рѣдкости своей, эти камни, съ трудомъ находимые въ бездушной природѣ земли и горъ, и извѣстные подъ названіемъ драгоцѣнныхъ, входили въ составъ богатства человѣческаго, въ составъ тѣхъ условій, которыя питаютъ и тщеславіе.

Грузія, какъ одно изъ древнѣйшихъ царствъ, отрывокъ великихъ государствъ Персидскаго, Мидійскаго и даже Греческаго, переняла издревле понятіе о дорогихъ камняхъ. Торговля и народное общеніе привлекли ихъ въ ея гнѣздо, прикрытое щитами горъ Кавказа. Великое множество отъ украшеній своихъ, по чувству религіозному, не щадилось на украшеніе святынь.

Какъ на св. иконахъ, такъ и въ хранилищахъ народа, существуютъ до нынѣ эти камни, изъ коихъ одни имѣютъ свое названіе, а другіе не пользуются извѣстностію. Въ видахъ нѣкотораго разъясненія, я рѣшаюсь представить здѣсь краткую описательную картину этихъ камней.

1) *Аметистъ*, который есть тотже кварцъ, не стекловидный и прозрачный, какъ горный хрусталь, но синій

или фіолетовый. Изъ него дѣлаютъ кольцы и другія украшенія. На немъ вырѣзываются и печати. Онъ имѣетъ видъ струйчатый, облаковидный свѣтъ.

2) *Сердоликъ*, изъ рода кварцовъ. Цвѣтъ его бурый, красный или желтобурый.

3) *Ониксъ* или Гемма, кажется, образующійся изъ голыша и сердолика, цвѣта молочнаго и изъ темно-желто-бураго, знакомый древнимъ греческимъ и римскимъ художникамъ, изображавшимъ на немъ апоѳеозу императоровъ и другихъ.

4) *Хрисопрасъ*, свѣтло-зеленаго цвѣта.

5) *Геліотропъ*, которыми жители востока украшаютъ свои кольца; темно-зеленаго цвѣта.

6) *Агатъ*, голышъ окрашенный желѣзною охрой въ бурый или красный цвѣтъ. Цвѣтъ его мутно-прозрачный. Его много сортовъ и въ минералогіи имѣетъ много названій.

7) *Опалъ* (ოპოლა) имѣетъ цвѣтъ изъ-синя-бѣлый, какъ снятое молоко; прозраченъ, какъ молочно-бѣлое стекло; шлифуется для ожерельевъ. Онъ получаетъ названіе благороднаго *опала* и цѣнится дорого наравнѣ съ драгоцѣнными камнями, когда при бѣломъ и полупрозрачномъ цвѣтѣ имѣетъ во внутренности пустоты или скважины, такъ расположенныя, что преломляющіеся въ нихъ лучи свѣта расходятся врознь по камню радужными цвѣтами. Самый прозрачный изъ нихъ называется окомъ міра (Oculus mundi).

8) *Яшма*.

9) *Рубинъ*, *яхонтъ и сапфиръ* (Carbunculus Sapphirus), одинъ и тотъ же камень, краснаго или фіолетоваго цвѣта. Они въ восточной Индіи и очень дороги.

10) *Лалъ* или *баласс*ъ, изъ вида яхонта. Мѣсторожденіе его—восточная Индія.

11) *Алмазъ* (Carbunculus Adamantinus).

12) *Корундъ*, у Грузинъ карада (კარადა), получаемый изъ восточной Индіи, употребляемый для граненія драгоцѣнныхъ камней, ради его твердости. Онъ сѣроватъ цвѣтомъ.

13) Хризобериллъ.

14) *Гіацинтъ*—(lincurim hyacintus), цвѣта гвоздичнаго. Онъ изъ Индіи.

15) Изумрудъ или смарагдъ (Smaragdus lactevirens). Лучшіе сорты его бываютъ столь чисто-зеленаго цвѣта, что самая лучшая свѣжая зелень древесныхъ листьевъ или муравы весеннихъ луговъ, кажется желтоватою въ сравненіи съ цвѣтомъ этого камня.

16) *Топазъ* (Craterites Topasius). Камень прозрачный и желтый, подобный цвѣту бѣлаго винограднаго вина. Отъ цвѣта древніе Греки именовали его *хризолитъ*. Св. писаніе именуетъ его *таршишъ*, въ подлинникѣ Еврейскомъ (Исх. 28. 17). Въ Славянскомъ переводѣ называется топазій.

17) *Хризолитъ* (Chrisopterus chrisolitus), зелено-фисташковаго цвѣта, отличается блескомъ и прозрачностію. Онъ тверже агата. Онъ изъ Нубіи и верхняго Египта. Струи Нила, вымывая его, часто приносятъ его въ Каиръ и Александрію въ наносахъ своего благодатнаго илу.

18) *Лазоревый камень* (Cianus Orientalis). Онъ дороже золота. Его находятъ въ Персіи, Бухаріи и Тибетѣ.

Большое капище города Лассы Тибетскаго Далай-Ламы, построено почти изъ этихъ драгоцѣнныхъ камней.

19) *Бирюза* (Callais äerina) или тюркоазъ. Онъ извѣстенъ.

20) Обсидіанъ (Obsidianus), совершенно черный, какъ бархатъ. Его находятъ минералоги и въ Кавказскихъ горахъ и извѣстенъ подъ именемъ *Смолянаго камня.*

Большая часть этихъ камней украшали древнѣйшую икону Хахульскія Божіей Матери, послѣ долгой объ ней войны, находившейся въ Генатскомъ монастырѣ (въ Имеретіи), гдѣ весь окладъ ея дорогой, къ скорби исторіи и народа, пропалъ въ 1859 году. На этой иконѣ, замѣчательной своею древностію и богатствомъ камней и искуства, была надпись, списанная мною еще въ 1840 году, по желанію покойнаго владѣтеля Мингрелии Давида Леоновича Дадіани.

Въ устахъ народа, изъ всѣхъ названій дорогихъ восточныхъ камней, сохранились три названія камней, украшавшихъ ликъ иконы царицы небесъ и земли:

ობოლა, კედელა, შედეგა: обола, кедела, шедека.

Въ названіи *обола* я вижу названіе *опала; шедека* (ga Латин.), это *обсидіанъ*. Пока остается не разгаданнымъ названіе *кедела,* которая, какъ помнится, была похожа на лазоревый камень.

2-го августа.

Отъ Анцухскаго ущелья, горцы начинаютъ понимать языкъ грузинскій, языкъ народа, господствовавшаго надъ горцами въ вѣка Грузинской царственной славы. До послѣдняго возстанія, Анцухцы, Капучинцы и Дидойцы, какъ особыя республиканскія общества, были въ общеніи съ Кахетинцами. Власть Шамиля поздно успѣла сокрушить ихъ независимость и ввесть ихъ въ общую систему Дагестанской войны противъ Россіи. Отъ этой поры началось бѣдственное положеніе Анцухцевъ, которые, будучи въ сосѣдствѣ съ Кахетіею, терпѣли отъ нападенія Русскихъ войскъ, выжигавшихъ ихъ деревни. По дорогѣ видны опустѣвшія развалины домовъ, полусожженныхъ, полуразрушенныхъ. Отъ разсѣявшагося населенія видны были нѣсколько семействъ, водворенныхъ на пепелищахъ, какъ совы или филины на развалинахъ. Въ проѣздъ нашъ, жалостно выражали намъ свое положеніе и проклинали, какъ тираннію надъ собою наибовъ Шамиля, увлекавшихъ ихъ къ войнѣ, такъ и собственное древнее настроеніе къ разбойничеству, среди мирныхъ сосѣдей ихъ, Кахетинцевъ.

Въ одной изъ этихъ деревень, строются очень хорошіе дома. Домъ наиба Шао уже во вкусѣ Европейскихъ до-

мовъ: такъ быстро входитъ между горцами вкусъ къ удобству.

Скотоводство есть главное занятіе горца. Недостатка въ лѣтнихъ пастьбищныхъ мѣстахъ нѣтъ. Ему потребно зимнее помѣщеніе при изобиліи травы, которая можетъ быть скашиваема и приготовляема для зимы. Выгоды отъ скотоводства научатъ горцевъ устраивать зимовники для скота. Долгая война уничтожила скотоводство.

Вообще Дагестанъ есть страна, преимущественно созданная для скотоводства. Она страна пастушеской конфедераціи. Внутри Дагестана неизвѣстно приготовленіе сыра. За то Анцухцы, Капучинцы, Дидойцы весьма искусны въ приготовленіи его.

По всему краю мало крупнаго рогатаго рабочаго скота. Горцы не могутъ въ нихъ много нуждаться, по неимѣнію дорогъ для аробъ или колеснаго пути. Но гдѣ только я ихъ встрѣчалъ, то онѣ были весьма дурной породы: малы и безсильны. Буйволы, по причинѣ суровости зимы, не могутъ быть въ Дагестанѣ.

Миръ благодатный, водворенный среди горъ Лезгинскаго населенія, сближаетъ съ сосѣдями своими Кахетинцами, мирными садоводами и хлѣбопашцами. Теперь и горцы понимаютъ, какъ трудно мѣриться въ силахъ съ русскимъ народомъ въ общеніи съ Кахетинцами.

Въ одной изъ Анцухскихъ деревень, въ толпѣ предсталъ намъ зрителемъ, пораженный ужасною и отвратительною болѣзнію, извѣстною подъ скорбнымъ для человѣчества названіемъ *вшивой*. Это насѣкомое изъ рода *мизгиръ* (Acarus), заводящееся вообще въ коркѣ стараго сыра,

переходитъ или внѣдряется въ человѣческое тѣло между кожицею и мышцами. Плодясь въ немъ въ безчисленномъ множествѣ, кипитъ оно, по Библейскому выраженію (Макк. IX. 9.), червями и заживо съѣдаетъ человѣка. Горцы думали найти во мнѣ цѣлителя тѣлесныхъ недуговъ. Болѣзнь эта напомнила мнѣ бѣдственную кончину отъ нея Антіоха Епифана, обоихъ Иродовъ великаго и малаго, и Филиппа II короля Испанскаго.

По дорогѣ мѣстами видны кусты *медвѣжьихъ ягодъ* (Arbutus uva ursi), такъ много употребляемый Грузинами подъ названіемъ თრიმლი, на выдѣлываніе кожъ, на лѣченіе конскихъ ранъ порошками отъ ихъ листьевъ; а въ медицинѣ чайный настой отъ ихъ листьевъ же противу каменныхъ болѣзней.

Не смотря на магометанство, единственную вѣру въ Дагестанѣ, у Лезгинъ не существуетъ многоженства. Браки по магометанскому обряду соблюдаются строго и, говорятъ, въ отмѣну отъ исповѣдывающихъ исламизмъ, они совершаются только весною и очень рѣдко въ другіе періоды года. Солнце и любовь въ одно и тоже время зажигаютъ свои пламенники, какъ будто въ оправданіе словъ Аристотеля: солнце и человѣкъ въ одно время трудятся надъ воспроизведеніемъ человѣка.

Въ Дагестанѣ нѣтъ развалинъ древняго населенія, нѣтъ тѣхъ замковъ, которыми гордились феодалы средневѣковые, нѣтъ остатковъ отъ древнихъ стѣнъ или домовъ горныхъ владыкъ; нѣтъ памятниковъ отъ святыни языческаго и христіанскаго или магометанскаго вѣрованія. Археологъ можетъ только останавливаться на племенахъ, пріютив-

шихся у скалъ Кавказа, на началѣ ихъ происхожденія, на нѣкоторыхъ династіяхъ, такъ называемыхъ ханскихъ, по мѣстамъ и не раньше введенія въ горахъ исламизма, ставшихъ въ челѣ народа или племенъ. Геродотъ укажетъ ему зависимость горъ отъ царей Персидскихъ, о Даріѣ Истаспѣ, укрѣпившемъ стѣною проходъ Албанскій изъ Скиѳіи въ Персію по берегу моря; Квнитъ-Курцій—о миѳическомъ шествіи Македонскаго героя къ горамъ Кавказскимъ; Плутархъ объ оружіи римскомъ, приразившемся къ жителямъ горъ и царю Албанскому, взятому въ плѣнъ Помпеемъ. Въ послѣдствіи, исторія Грузіи въ лицѣ Кахетинскихъ царей, силившихся покорить себѣ силою или кроткою проповѣдію Евангелія; безслѣдное истребленіе въ горахъ цѣлаго русскаго отряда при Годуновѣ, плачевно описанное Карамзинымъ; пораженіе Надиръ-Шаха на высотахъ Турчидага, извѣстное подъ именемъ Харабъ-Иранъ въ виду Гуниба; явленіе въ Дагестанѣ грознаго Омаръ-Хана, власть Турціи единовѣрной, отвергнутая горцами, и послѣдняя война съ Русскими, есть уже предметъ новѣйшей исторіи.

Подобныя сказанія исторіи древней и новой вводятъ Дагестанъ въ общую исторію. По нимъ, болѣе или менѣе темнымъ и отрывочнымъ сказаніямъ, можемъ слѣдить за ходомъ кавказскаго человѣчества.

Христіанство вообще трудно прививалось къ горнымъ жителямъ, какъ видно изъ исторіи обращенія Грузіи къ Евангелію, изъ долгой войны Карла В. съ Саксонцами, изъ частой проповѣди, вносимой въ Дагестанъ Грузинскими святителями, и въ XIV вѣкѣ католическими миссіонерами и проч. Отъ этого происходитъ, что народъ Даге-

станскій не могъ развить у себя наукъ и искуствъ, и что не пробудились умственныя и художественныя силы кавказскаго человѣчества. Арабы успѣли съ оружіемъ въ рукахъ утвердить въ горахъ исламизмъ, вообще убійцу наукъ. Мечь ислама, открывавшій исповѣдникамъ своимъ небо, передалъ имъ ненависть къ остальному человѣчеству. Этою тайною политики творца исламизма, воспользовался Шамиль, державшійся во имя вѣры, въ скалахъ Дагестана. Нѣтъ сомнѣнія, что съ паденіемъ его, какъ кавказскаго Витикинда, поймутъ и понимаютъ, какъ видно, пользу наукъ, искуствъ и службы на поприщѣ гражданскаго или военнаго образованія, благо единой и единственной въ мірѣ вѣры во имя Христа, благодѣтельно дѣйствующей на умъ, на сердце, на настроеніе семейное, общественное и государственное. Многіе изъ жителей горъ уже отправили дѣтей въ Петербургъ для изученія языка русскаго и наукъ. Всѣ жаждутъ ученія и ищутъ школъ, для передачи туда дѣтей.

Таково стремленіе горцевъ къ наукамъ, ожидающее пропаганды идей основныхъ, живительныхъ, въ началѣ ихъ политическаго и, даже, по многимъ причинамъ, религіознаго дѣтства.

3-го августа.

Ущелье, которое ведетъ по р. Анцухѣ, напоминаетъ путнику ущелье Боржома съ его лѣсами, орѣховыми деревьями,—исполинами растительнаго царства. Густые купы лѣсовъ украшаютъ бока горныхъ ущелій, отлогихъ крутыхъ возвышеній. Онѣ обвиты фестонами роскошной растительности.

Отъ пустыннаго вѣтра сраженныя колосальныя деревья дубравы, лежали по скатамъ горъ, надъ шумной рѣкой. На каждомъ шагу встрѣчались эти огромныя деревья, великолѣпно увитыя плющемъ—въ символъ взаимной любви и неразрывнаго союза, украшавшимъ жертвенникъ Гименея древнихъ. Невольно слышимъ здѣсь звуки отъ громкой лиры Державина:

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый....
О дружба! это ты.

Мостъ, переброшенный самими горцами черезъ рѣку у деревни *Калаки*, весьма искусенъ. Крутые подъемы и спуски, по всей дорогѣ Анцухской, легко могутъ быть устранены. Съ устройствомъ вьючной дороги, путешественникъ

встрѣтитъ здѣсь отрывки библейскаго рая. Богатство этого рая составляютъ: фрукты на деревьяхъ, форели въ рѣкахъ, пшеничный хлѣбъ, масло отъ коровъ, птицы, бараны, овцы,—мясо которыхъ издревле считается самымъ вкуснымъ и нѣжнымъ, безсомнѣнія отъ травы, которою онѣ питаются, чистый воздухъ и здоровыя воды.

Бежитъ есть резиденція населенія. Здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы имѣетъ свое сѣдалище, правитель мѣстъ, прилегающихъ къ Кахетіи. Здѣсь, въ лагерѣ Грузинской пѣшей дружины, встрѣтили мы и живописца нѣмца и путешественника англичанина, которыхъ заманила сюда величественная, грозная природа Дагестана. Судьба Кавказа впереди. Кавказъ отниметъ много лучей славы у горъ швейцарскихъ, потерявшихъ патріархальность древнихъ нравовъ, отъ сближенія съ наскучившимъ однообразіемъ жизни, цивилизованныхъ странъ сосѣднихъ.

Въ Бежитѣ встрѣтили мы часть Грузинской пѣшей дружины. Здѣсь ея лѣтняя стоянка. Зурна, знакомая горамъ и лезгинамъ, и горный барабанъ, оглашали лѣсистыя горы, со всѣхъ сторонъ окружающія Бежитъ. Трогательно было слышать вечернюю зарю, пробитую дружиною храброю, въ этомъ тихомъ уединеніи, по среди смирившагося народа, уставшаго отъ войны и кровопролитія. Еще трогательнѣе пропѣта была на Грузинскомъ языкѣ молитва, основная для всѣхъ молитвъ,—молитва Спасителя: «Отче нашъ» подъ общій тонъ полковаго пѣнія. Звучна была эта Божественная молитва, усвоенная усыновленнымъ Богу, подъ шатромъ звѣзднаго свода небесъ, покоившимся надъ окружающими ущелье вершинами горъ высокихъ, какъ будто

нѣмыхъ свидѣтелей первыхъ, свѣжихъ дней творенія Казалось,—вѣетъ благодатно небо на умы и сердца, молитвенно настроенныя къ его высотамъ.

Мы уже сказали, что въ Анцухскомъ, Капучинскомъ и Дидойскомъ ущельяхъ, почти всѣ понимаютъ по Грузински. Это,—доказываетъ существовавшее общеніе съ Кахетіею при царяхъ Грузинскихъ, до времени послѣдняго возстанія Дагестана. Что касается до древнѣйшаго общенія, преемственно по вѣкамъ, то, не входя въ историческія объ немъ подробности, повторю слова Плутарха: «Хотя во времена Лукулла и Помпея, Албанцы были независимы, но платили дань Иверскому царю».

Отъ Бежита, крутой и высокій подъемъ, привелъ насъ въ Хупро,—первое и послѣднее село къ Кахетіи Дидойцевъ, извѣстныхъ Птоломею и Плинію, подъ именемъ *Дидури* (Diduri). Отъ нашествій Грузинъ на Дидо, преимущественно страдало село *Хупро*. За то, сколько разъ грозный мечь Дидойцевъ, поражалъ послѣднихъ царей Грузинскихъ за дерзновенныя свои попытки, покорить своей власти Дидойцевъ, безпокоившихъ разбоями и опустошавшихъ Кахетію. Ихъ ловкость въ бою, отчаянная храбрость и жестокость, съ какою обходились они съ плѣнными, приводили въ ужасъ и трепетъ народъ Грузинскій. Чувство самостоятельности внушало имъ, къ отстраненію Грузинскаго господства, сохранить крѣпко свои преданія, вѣрованія, обычаи и вообще всю духовно-нравственную жизнь.

Отъ Хупро трасирована дорога черезъ высоту на 10,000 футовъ. Что заставило нашихъ путепролагателей миновать ровную, безъ подъемовъ и кратчайшую дорогу по рѣкѣ

Орцкали или *двурѣчіе?* Трасировка послѣдней дороги уже началась. Но мы должны были подняться по старой дорогѣ, полезной въ томъ отношеніи, что съ высоты горы, видны всѣ Дидойскія ущелья и за-Дидойскія снѣжныя высоты. Острыя вершины въ дальнемъ горизонтѣ, то покрытыя снѣгами, то совершенно голыя, утопаютъ въ сіяніи голубаго небеснаго свода. Блескъ солнца очаровательно покоился на ихъ высотахъ, какъ горныхъ великанахъ. Вечеръ застигъ насъ въ *Орцкали*, получившей названіе, данное Грузинами отъ двухъ рѣкъ, вытекающихъ отъ двухъ ущелій и образующихъ одну кипучую, шумную и форелями богатую рѣку.

По скалистому ложу теченія обѣихъ рѣчекъ, видны съ высоты горы двѣ котловины, широкія и глубокія, образовавшія изъ себя родъ бассейна. Онѣ называются озерами. И та и другая, имѣютъ въ окружности около 160 саженъ. Въ прозрачныхъ и свѣжихъ струяхъ рѣчки, гнѣздятся форели (Salmo fario) во множествѣ и ловятъ ихъ, пока одни смѣльчаки, не боясь смѣлыхъ, пока еще бродящихъ Дидойскихъ разбойниковъ.

Мы ночевали въ долинѣ у Орцкали. Она, говоритъ преданіе, котловина, образовавшаяся отъ паденія сыпучей горы, пожравшей все населеніе, существовавшей здѣсь деревни. По мѣстамъ, по берегу рѣчки, находятъ еще вещи домашней потребности. Это, конечно не Помпея и Геркуланумъ Кавказскій, за то новый и не первый памятникъ и свидѣтель продолжающихся переворотовъ нашей планеты, и въ кускѣ ея, скалистой горной природы Дагестана. Онъ легко объясняется, явленіями на земномъ шарѣ, скользящихъ почвъ и обрушеній.

Дагестанская природа, созданіе вулкана, выдвинувшаго изъ нѣдръ земли, исполинскія первозданныя горы, въ постепенномъ развитіи для пребыванія въ ней человѣка, самодержавнаго владыки земнаго шара, пріютила подъ свою сѣнь и логовище медвѣдей, преимущественно въ ущельяхъ Анцухскомъ, Капучинскомъ, Дидойскомъ и въ тѣхъ частяхъ горъ, въ которыхъ ростетъ лѣсъ, ихъ любимое убѣжище; волка, отъ котораго оберегаются стада собаками, какъ выродками его; зайцевъ и кроликовъ въ лѣсистой полосѣ; ящерицъ въ скалахъ горъ, кабановъ или вепрей, водящихся около Анцуха, а выродки ихъ свиньи, изгнаны изъ Дагестана религіею Магомета; оленей въ лѣсныхъ мѣстахъ Анцуха и Капучи; дикихъ козъ (серна) (Ovis Ammon); каменнаго барана (Rupicapra), прыгающаго по вершинамъ горъ и туровъ. Изъ домашнихъ животныхъ, водятся стадами овцы съ курдюками и съ длинными хвостами, быкъ, козлы и козы, дающіе кромѣ шерсти пухъ, извѣстный подъ именемъ *тивтики* (თივთიკი); лошади, преимущественно въ Аваріи; ослы столь полезные въ горахъ.

Птицъ вообще мало. Кромѣ орловъ и ворона, всемірной птицы, воробьи являются въ маломъ числѣ. По краткости лѣта и малаго числа комаровъ и насѣкомыхъ въ горахъ, не видно внутри Дагестана и ласточекъ,—враговъ зимы. Для ловли куропатокъ, легко переносящихъ зиму и перепелъ, водящихся въ хлѣбородныхъ и просородныхъ мѣстахъ глубокихъ долинъ, держутъ иногда горцы ястребовъ.

Изъ домашнихъ птицъ, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ деревняхъ куры, утки и гуси въ маломъ числѣ. Индѣйскій пѣтухъ, появившійся и въ Грузіи съ 1800 года, во все

неизвѣстенъ въ горахъ. Онъ не распространенъ даже въ губерніяхъ Бакинской и Эриванской.

Въ ходѣ развитія кавказскій человѣкъ, какъ вообще всякій горецъ, связанный невольными отношеніями къ климату, водѣ, мѣстности, воздуху и окружающей его природѣ, шелъ къ совершенству общими путями *нужды* и *опыта*. Нужда,—наставница народовъ, научила его защищать себя отъ голода, холода и звѣрей.

Земледѣліе рано введено между горцами. Пшеница, ячмень и очень недавно появившаяся у нихъ кукуруза, заняли ихъ дѣятельность и кормили ихъ. Овцеводство прикрыло ихъ наготу и согрѣло отъ непогодъ. И то и другое занятіе, такъ естественное человѣку, по всему лицу его широкаго подлуннаго царства, доведено до возможной практической формы, соотвѣтствующей его потребностямъ. Объ горцахъ всегда твердили, что ѣдятъ мало. Это древнее объ нихъ свѣдѣніе Грузинскихъ писателей, подтверждается и теперь. Горецъ точно ѣстъ мало, именно столько, сколько нужно, чтобъ ему существовать. Онъ, и по недостатку запасовъ для роскоши и по началамъ Спартанской жизни, какъ будто, вполнѣ понялъ правило дивнаго Сократа: «Потребности человѣка должны быть какъ можно ограниченнѣе. Развѣ ты не знаешь, говоритъ одному изъ учениковъ, что пища у того вкуснѣе всего, у кого ея менѣе всѣхъ».

«Счастіемъ, ты считаешь роскошь и изобиліе; а я думаю, что отсутствіе потребностей божественно и что чѣмъ меньше потребностей у человѣка, тѣмъ больше приближается онъ къ божеству».

Орудія для хлѣбопашества у горцевъ простыя. Они не

пашутъ, а проводятъ бразды сохой по глубинѣ земли, проклятой въ силахъ своихъ прогнѣванными небесами. Соха первобытныхъ, подымаетъ ее: туда бросаютъ сѣмена ячменя, кукурузы, бобовъ и только долгое, продолжительное лѣто, можетъ вознаградить трудъ горца благословеніями даровъ Цереры.

Одежда горца простая. Холстъ, окрашенный въ синюю краску, прикрываетъ и мужчину и женщину. Обувь изъ кожъ козьихъ. Голова накрыта шапкою низкою изъ бараньей шкуры. Такого рода шапки, видны на барельефахъ памятниковъ Египта, въ указаніе, что горцы дѣлили славу Ксерксова похода на дальній западъ Египта и Аттики. Верхній костюмъ изъ бараньей шерсти, очень хорошо приготовленной, какъ сукно.

Въ защиту отъ холода, весь прикрытъ мѣхомъ изъ овечьей шкуры. Одѣтый въ этотъ костюмъ и накрытый кавказской шапкой горца, гроза міра и бичъ Божій Аттила (450 г.) подступилъ къ стѣнамъ гордаго Рима и принималъ смиреннаго папу Леона святаго.

Чувство самосохраненія, источникъ тѣлесной силы и мужества, научило горца, владѣть копьемъ и лукомъ. Поздо, переняли отъ Арабовъ кинжалъ и саблю; отъ Турокъ, ружье и способъ его дѣланья. Отъ нихъ же узнали и силу воспламененной селитры, смѣшанной съ угольнымъ порошкомъ и сѣрою.

Общественное устройство научило твердому, вполнѣ устроенному юридическому порядку, изъ рода въ родъ переходящему, подъ древнимъ названіемъ *Адата* (обычай). Этотъ Ареопагъ, былъ закономъ, писаннымъ на сердцѣ, какъ

Такой рѣзкій переходъ, уже сама поэзія, — поставившая на утесахъ горъ Прометея, на терзаніе горнаго орла, а на долинахъ, напояемыхъ струями чистыхъ горныхъ водъ, водворившаго, подъ могучимъ покровительствомъ веселаго Вакха и пріятной Цереры, влюбчивую Венеру. Безъ хлѣба и вина, остываетъ любовь, восклицаетъ поэтъ:

Sine Baccho et Cerera
Frigat Venus.

Осторожно спустились съ высотъ холодной горы Дагестана, пограничной съ Кахетіею, на которыхъ свободно паслись стада овецъ Кахетинскихъ винодѣлателей. И этотъ пунктъ горныхъ вершинъ и нижній подолъ его, — очаровательная природа Кахетіи, созданы и для скотоводства и для винодѣлія. Онѣ напоминаютъ сладкій, милый, нѣжный стихъ царя Римскихъ пѣвцовъ Виргилія, влагаемый имъ въ уста Галла, сына Полліона, въ обращеніи къ обитателямъ Аркадіи, желавшаго *быть или пастухомъ ихъ стада, или давителемъ ихъ зрѣлаго винограда:*

Atque utinam ex vobis unus vest—
rique fuissem;
Aut custos gregis aut matu—
rae vinitor uvae!

———

5-го августа.

Густымъ туманомъ были покрыты Кодоръ и Кахетія. Воздухъ и вода, тучи облаковъ, — странницы небеснаго свода, боги и Олимпа, играли во кругъ насъ. Иногда вѣтры, накидывали на очаровательную кахетинскую долину, облачную пелену и открывали съ высоты Кодора восхитительную перспективу.

Высотой Кодорской, рѣдко снимающей съ себя туманный покровъ Изиды, оканчивается Дагестанъ, этотъ высотами своими древній, не многоглавый, но съ безчисленными головами исполинъ и начинается предѣлъ Кахетіи. Ущелье, отъ этого горнаго перевала, несущее благодатную данъ— горную воду, продолжается до деревни *Сабуэ.* Струи этой воды напояютъ богатые ея виноградники. Совы (Strix) или большія породы ихъ (Strix bubo) водящіяся въ лѣсахъ ущелья, дали мѣсту названіе *«жилище совъ».* Латинское зоологическое названіе bubo звучитъ въ Грузинскомъ названіи *бу* (ბუ). Природа водворила въ этомъ ущельѣ этихъ птицъ, эмблему мудрости, посвященныхъ Минервѣ. Ущелье это, богато зайцами, полевыми мышами и амфибіями, которыхъ совы преслѣдуютъ жестоко.

На половинѣ ущелья существуютъ развалины монастыря

Крестительскаго. Церковь очень ветха. Сводъ и стѣны потрясены. Живопись обличаетъ кисть русскихъ живописцевъ временъ Годунова, обновившихъ ея древніе Византійскіе очерки.

Въ углу храма висѣли оленьи рога. Не остатокъ ли отъ временъ дохристіанскихъ, такое приношеніе въ храмы? Извѣстно, что рога *Газеля* (Dorcas) изъ рода Сернъ, водящейся въ сѣверной Африкѣ, посвящались Изидѣ. Они обыкновенно изображаются на головѣ этой богини.

Въ деревнѣ Сабуэ встрѣтили Тушинку, одѣтую совершенно въ черный костюмъ. Этотъ національный костюмъ Тушинъ, извѣстныхъ древнимъ подъ именемъ Тусковъ (Tusci, Touskoi) и жестокій, вопіющій на природу обычай, Тушинъ, изгонять женъ изъ домовъ въ дни родовъ, до истеченія срока очищенія, были извѣстны и Кипріану церковному писателю, писавшему объ этомъ еще въ III вѣкѣ.

Въ этомъ странномъ обычаѣ, поработившемъ умъ цѣлаго общества Грузинскаго племени, я вижу грубый остатокъ отъ ученія Зороастра, отъ цѣлой его системы, о нечистомъ, вещественномъ и зломъ началѣ и вліяніи его на женскій полъ, и въ особенности отъ ученія эретиковъ втораго вѣка Севера и Апеллеса, именовавшихъ женщину твореніемъ мрачной силы (creatio Satanae) и проч. Еще историкъ Вахуштъ писалъ о Тушинахъ и Дидойцахъ, что они питаютъ уваженіе къ темнымъ духамъ, и потому изъ благоговѣнія къ нимъ, одѣваются въ платье чернаго цвѣта. Не сомнѣваюсь, что все это есть плоды отъ ученія восточной и Египетской философіи о двухъ началахъ, породившей Іерака и Манеса, родоначальника Манихеевъ, возмущавшихъ

покой всей христіанской церкви не только въ IV, но и, въ разныхъ видахъ, въ послѣдующіе вѣка.—Самый же обычай уничиженія женщинъ у Тушинъ и предоставленія ихъ произволу судьбы, напоминаетъ богиню Илитію, довременную Сатурну, присущую при родахъ женщинъ и располагающую судьбою раждающихся, и вообще тою судьбою или рокомъ (fatum) древнихъ, котораго значеніе было выше, чѣмъ власть и могущество отца боговъ.

Этимъ оканчивается, кратковременное мое странствованіе по Дагестану.

Восточное преданіе разсказываетъ, что Богъ въ началѣ, желая наказать человѣка за его заблужденія, отнялъ у него истину, сокрушилъ ее, и куски ея разсѣялъ по лицу земли.

Человѣческому духу, по свойству его натуры, досталось отыскивать и собрать куски ея, чтобъ составить изъ нихъ нѣчто цѣлое.

Таково стремленіе человѣка, по закону тяготѣнія его умственныхъ способностей къ познаніямъ, путями испытанія, осмотра и розысканій, добраться до истины.

Съ этой стороны путешественнику, вся область Дагестана является Сивиллой, которая сообщаетъ свои тайны не

вдругъ и книгами, но медленно, по листамъ и отрывками. Съумѣлъ ли я, отыскивая слѣдъ кусковъ истины, и тѣни и полумысли свѣдѣній, внесть, что нибудь въ сокровищницу науки о Дагестанѣ? не знаю.

Что могъ, я сдѣлалъ:

Quod potui feci,
Faciant meliores potentes.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано			Читай.
стр.	*строч.*		
20	16	бѣгедовъ	бѣглецовъ
29	6	Самуръ	Койсу
37	18	доставляемое	доставаемое
50	2	ѳаженъ	ѳутовъ
57	6	Оскола	Осокола
62	9	Понятное	Понятно
63	26	мѣста	мести
67	4	Арамезнскихъ	Арамеэнскихъ
—	24	до Р. Х.	по Р. Х.
84	21	Обсидіанъ	Сердоликъ.
88	25	Грузіи	горной Грузіи

4-го августа.

От Ѳрцкали (ორწყალი) начинается подъемъ крутой въ Кодори. Путь, трасированъ зигзагами, иногда подъ сыпучею горою, готовою обрушиться землянымъ заваломъ, въ дни дождя и непогоды, или отъ тяжести накопляющагося зимою снѣга. Высшая точка горы опредѣляется въ 10,060 футовъ. Не много ниже этой поднебесной высоты, построена лѣтъ 10 тому назадъ огромная башня съ бойницами, въ защиту отъ Лезгинъ, пробивавшихся по этому перевалу для разбоя въ Кахетіи.

Восхитителенъ видъ съ этой горной высоты, съ которой какъ ландшафтъ рисуется вся долина внутренней Кахетіи, долина лучше и живописнѣе долины Темпейской, воспѣтой поэтами. Рѣка Алазань, какъ Меандра, протекаетъ по серединѣ ея. По обѣимъ сторонамъ рѣки, красуются деревни съ виноградными и фруктовыми садами. Какой контрастъ между Дагестаномъ и Кахетіею, между двумя половинами перешейка Кавказскаго, отдѣляющаго собою Европу отъ Азіи, двумя горными пятами, упирающагося у морей Каспійскаго и Чернаго? Въ одной половинѣ убогая холодная масса горъ, въ другой роскошь хлѣба и винограда — двухъ даровъ первѣйшаго и существеннаго народнаго богатства.

законъ Израиля, до появленія закона скрижалей. Исламизмъ примѣшалъ къ нему правила шаріата, извращенныя, искаженныя толкованія, противныя природѣ и основамъ обязанностей нашихъ къ Богу, ближнему и самому себѣ.

Умственное развитіе, особенно въ отношеніи къ религіи, съ самыми живыми способностями горца, заглушено магометанствомъ. Арабскій языкъ, на которомъ оно отражается въ устахъ горца, мертвымъ эхомъ его горъ, ставитъ его за вратами храма, неизвѣстнаго ему Божества и не допускаетъ его до лицезрѣнія. Онъ языкъ оракула, воспламеняющаго душу къ вѣрѣ, но не по сознанію и убѣжденію разумному, и тѣмъ онъ опаснѣе, чѣмъ двусмысленнѣе и непонятнѣе.

р. Алазани, есть часть древней Албаніи или Агованіи армянскихъ историковъ. Ея главный городъ, подъ именемъ *Алвани*, съ его громадными остатками, еще цѣлъ противъ Алавердскаго храма, получившаго названіе отъ *Алванис-гверди* (ალვან-გჳერდი *Алванская сторона*), а не отъ татарскаго слова *Алаверди*, грубо, невѣжественно объясняемаго многими.

Въ этой части Кахетіи измѣнился вѣками способъ воспитанія лозъ, указываемый еще въ 40 году отъ Р. Х. Страбономъ. Но, остатки древней обработки лозъ, какъ 18 вѣковый свидѣтель, уцѣлѣли въ Мухахѣ. Не умершій, живой глазъ Страбона черезъ нихъ глядитъ на насъ; уста его говорятъ намъ. Путникъ, по слѣдамъ древняго ученаго шествія, проходитъ черезъ эти священныя мѣста и возвышается къ горамъ, подъ которыми остается послѣдняя и крайняя полоса Албаніи для винограднаго царства.

Малая тропа, едва достаточная для одного путника, ведетъ въ гору извивами. Гусино шествіе, по мѣстамъ трудное и опасное, останавливаетъ его, какъ будто для того, чтобъ взору предоставить случай насладиться прелестію змѣею извивающейся рѣчки, пѣнистой ленты, украшающей лѣсистое ущелье. Жадный на прелести взоръ бросается вдругъ на двѣ струи—на двѣ дѣвы горъ, встрѣчающіяся и обнимающіяся у главнаго ущелья, для совмѣстнаго теченія по Мухахи. Уже за Мухахомъ, на долинѣ Алазанской старѣетъ эта нимфа горъ и окончательно умираетъ отъ тлетворнаго дыханія болотныхъ мѣстъ южной Албаніи. Таковъ этотъ символъ жизни человѣка, отъ перваго его рожденія, до предѣла жизни, до его обращенія въ тлѣніе, для новаго

перерожденія и воскресенія въ общей лабораторіи природы!

Смутны для души, тревожны для сердца, первые шаги къ ступени подъема и вступленія въ страну Дагестана, замкнутый отвсюду ковчегъ свободы древняго человѣчества, первобытнаго и довременнаго исторіи убѣжища *Леки*. Раздраженная натура горъ, проявляющаяся въ порывистыхъ водахъ, холодномъ вѣяніи воздуха, колеблетъ могущество души, ищущей обильныхъ источниковъ новыхъ, юныхъ, живительныхъ чувствованій. Взоры Помпея, устрашеннаго отъ этихъ высотъ, гдѣ цѣпенѣетъ жизнь, кажутся видными и теперь, отъ глубокой долины Алазанской, гдѣ разгаръ и полнота жизни, проявляющіяся въ змѣяхъ и скорпіонахъ, заставили грознаго меченосца всесвѣтнаго Рима, скорѣе совершить первое сраженіе близь устья Алазани, въ *Самухъ*, которую Птолемей именуетъ *Самунисъ*, и уйти отъ негостепріимныхъ мѣстъ.

Уже по достиженіи горной высоты, прекращается лѣсорастительность; являются голыя неровности, усѣянныя снѣжными глыбами. Видъ этихъ безлѣсныхъ, но травой покрытыхъ горъ ужасенъ. Еще ужаснѣе тропа по ребрамъ горъ, подъ нависшими земляными и шиферными утесами. Ниже этихъ горъ зіяютъ пропасти, гдѣ уже не змѣя водная, но водный ревущій драконъ ждетъ неосторожнаго путника въ открытую свою, ищущую добычи, пасть Это притокъ Самура справа и лѣвѣе самъ непереходимый Самуръ. Какъ тантала, осужденнаго на страданія, весь день шло наше съ стѣсненнымъ сердцемъ шествіе къ деревнѣ Ка-